

Б И Б Л И О Т Е К А

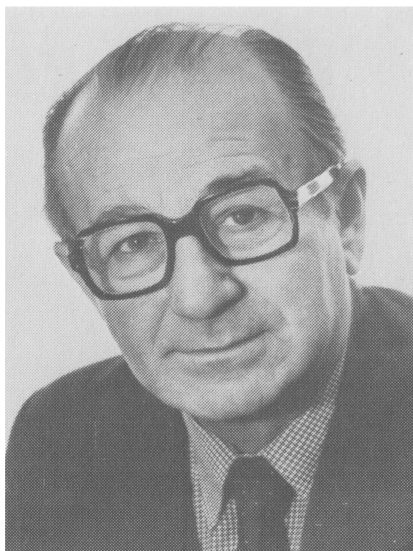
ISSN 0132-2095



**ОГОНЁК**

№ 34

1989



*Петр ГРАДОВ*

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

**ЧЕЛОВЕК—ЧЕЛОВЕКУ**



БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 34

Издается с января 1925 года

Петр ГРАДОВ

## ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕКУ

Москва. Издательство «ПРАВДА»  
1989

*Петр ГРАДОВ*

*Петр Михайлович Градов родился на Украине в 1925 году. Детство и юность прошли в Ленинграде, где во время блокады он был санитаром военного госпиталя. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Ленинграда».*

*Первые стихи были напечатаны в 1944 году в армейской газете. Вышло десять поэтических сборников. На стихи поэта написано много песен, среди них — «Легендарный Севастополь», «Пропел гудок заводской», «Вальс влюбленных».*

*Кроме стихов, Петр Градов пишет пьесы и документальные очерки.*

## БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК

Перечитал я свои дневники, которые вел в Ленинграде осенью 41-го и в самое тяжелое время, в первую военную зиму. Эти записи, по-моему, дадут возможность понять современному читателю, особенно молодому, не изведавшему испытаний военного времени, как, несмотря на все трудности, блокадный Ленинград жил, сражался и победил.

Многое, конечно, в этих дневниках по-мальчишески наивно. Но я решил ничего не изменять: ведь писал все это ученик 9-го класса.

14 октября 1941 года.

Сегодня у меня выходной. Последнее время работаю санитаром в госпитале № 926. Это в гостинице «Англетер», где когда-то покончил с собой Сергей Есенин. Очень жалко было расставаться со старым госпиталем. Он находится на улице Плеханова, в 1-й образцовой школе. Сговорился с Ниной Козловской пойти сегодня в Театральную библиотеку, подобрать какой-нибудь новый скетч. «На старой даче» Ялунера мы уже во всех госпиталях играли. Зашел за Ниной. В дверях записка: «Ушла по срочному делу. Извини». Ничего.

С ребятами из бригады вижусь только во время концертов. Вчера выступали в старом госпитале. Я только вел концерт. Следующий раз обязательно буду читать «Славу» Гусева. Кончаю писать — опять что-то грохочет, а тревогу не объявили. Наверно, артиллерийский обстрел.

16 октября.

В школе занятий пока нет, терять год жалко. Читаю кое-что по программе 9-го класса: «Обломов», «Воскресение». Немного занимаюсь немецким.

Когда пришел на работу, там показывали кинокартину «Друзья». Успел посмотреть вторую половину. В два часа ночи привезли новых раненых — из-под Ораниенбаума и других мест. Один из раненых мне сказал, что наши высадили морской десант и отбили Стрельну. Это неплохо. Сегодня сестренка Галя получила два письма от мужа. Юра на Ле-

нинградском фронте. Мне он пишет, что находится в соединении Бондарева, но сейчас при штабе, чем очень недоволен.

Сегодня пошел обедать в столовую. На первое — суп (вода с чечевицей), на второе — омлет. Вырезали 50 гр. мяса из карточки, но мяса в омлете и под микроскопом не обнаружишь.

Через час мне на работу. Хорошо бы не было тревоги, как вчера ночью.

Очень меня беспокоит положение на фронте, особенно под Москвой. Хоть бы там ему перца подсыпали. Уже пора.

20 октября.

Позавчера вышел на работу в ночь, проработал сутки. Собрался домой, вдруг сообщают: должны привезти 60 раненых. Пришлось остаться еще на 12 часов. Сегодня у меня весь день свободный.

Два дня не было тревоги. Несколько раз выпадал снежок и таял. А сейчас, только я собрался в баню, — воздушная тревога.

21 октября.

Сегодня получил первую зарплату в этом госпитале. За половину месяца — 112 р. 50 к. Сто рублей — маме, 10 р. — сестренке Жене, остальное — мне.

Раненых сегодня не привозили. Давно не видел ребят из бригады. Надо будет завтра позвонить, узнать насчет концерта.

23 октября.

Сегодня отводил в райвоенкомат одного бойца. Ему ампутировали левую руку, теперь демобилизуют. По дороге в райвоенкомат он рассказывал мне о боях под Стрельной. Сам он из Воронежской области. Рассказывал так: «Немец, когда к заливу хотел пробиться, много своих положил. Наши и с кораблей садили и с берега. Стрельну он с одного края взял, а другую половину города мы держали. Ну, а потом наши десант высадили, и он стал удирать. Когда мы за ним пошли, так просто жутко идти было, столько ихних трупов навалено. А в меня снарядом угодило. Не в меня, конечно, а рядом разорвался. Теперь воевать больше не придется».

Мне было жаль его, и я старался в разговоре не касаться того, что могло бы его огорчить. Но бывают же такие совпадения — по улице гурьбой бежали ребятишки, один из них выкрикивал: «Продавала пироги рыжая бабенка, без руки да без ноги, одна головенка». Меня даже передернуло. Боец либо не расслышал, либо сделал вид, что не расслышал.

В госпитале сегодня был концерт военного джаз-оркестра. Солистка оказалась моей знакомой. Она пела до войны в хоре ансамбля песни

и пляски Дворца пионеров. Руководил этим ансамблем И. О. Дунаевский. Я там читал стихи и даже пел в музыкально-танцевально-драматическом спектакле «Миша Птичкин» (из школьной жизни). У меня была роль тяжелая в полном смысле этого слова. Мне на плечи сажали десятилетнего мальчишку, надевали на нас общий костюм. Все это называлось «Паганель». Мальчишка был довольно крупный и все время вертелся. Действительно, тяжелая роль. Сперва запевал «верхний этаж» тонким голосом:

Жил на свете ученик,  
Он прочел немало книг...

А потом откуда-то из живота Паганеля доносился мой «бас»:

Он мрачнел, он худел,  
И никто ему по-дружески не спел...

Зрители так и не знали, кому принадлежит этот голос «из нутра». Сегодня впервые в жизни мне пришлось не только увидеть, но и прикоснуться к мертвецу. Дней семь тому назад, после бомбардировки города, к нам привезли бойца. Он был ранен в спину. Позавчера заходил в палату, разговаривал с ним. Сегодня его уже нет.

30 октября.

Двадцать шестого смотрел в Театре комедии «Тот, кого искали» Раскина и Слободского. Это, кажется, первая большая пьеса авторов, и очень удачная. Мне понравилась игра Колесова и Ханзеля. А Сухаревская так разыгралась, что смешила всех до упаду.

Последнее время обедаю в столовой Военторга, в помещении Текстильного института.

С 3 ноября, говорят, начнутся занятия в школе. Если так, я буду приходить в свободное от работы время. Думаю, не отстану. На работе все по-прежнему. Опять начались воздушные тревоги по вечерам. А вчера был страшный артобстрел. Бил в основном по нашему Октябрьскому району. Об этом объявили по радио, да мы и сами чувствовали.

1 ноября.

Решил сегодня записать, что со мной было с начала войны. В июне мама, две мои сестренки и я жили под Ленинградом, во Всеволожском. Места там чудесные — леса, озера. Отдыхал я отлично — читал, играл в футбол, купался, загорал... И вдруг — в о й н а! Сестренка Женя прибежала с реки и говорит: «Петя, я не знаю, правда ли это, но говорят, что Германия объявила нам войну!» Я остолбенел. Как будто током ударило. Потом подумал: может быть, слух, провокация? Но вскоре об этом заго-

ворили повсюду. Станция от нас далеко. Радио не было. Газеты хозяин дачи получал только в 3—4 часа. Но еще до прихода газет мы все уже точно знали: началась война.

Люди стали уезжать в город, боясь, что отрежут от родных. Мы уехали 28 июня. Машину достать не смогли. Часть вещей взяли на свою машину знакомые. Остальное мы несли на себе до станции.

29 июня я зашел в школу. Меня направили работать связистом в районную комиссию по трудовой повинности. Работа скучная. Бегаешь с нарядами по домоуправлениям, провожаешь группы на работы, передаешь телефонограммы. Через день по восемь часов. Когда шла оборонная стройка у больницы имени Фореля, работал там: ездил за сводками, обходил участки, проверял правильность сводок.

Когда эвакуировали детей из Ленинграда, работал на вокзале: грузил вещи, продукты. Сейчас, когда не видишь белого хлеба, вспоминаются ящики со свежими румяными батонами, которые мы грузили.

Однажды у нас в комиссии по трудовой повинности я встретил ребят, знакомых по Дому пионеров Октябрьского района. Оказывается, они с первых дней войны организовали концертную бригаду, выступали на мобилизационных пунктах, в госпиталях по несколько раз в день и порой в очень трудных условиях. В комиссию они пришли, чтобы получить освобождение от трудовой повинности. У них было с собой письмо райкома. Ребята предложили мне перейти к ним в бригаду. Я согласился. Работа там интересней и не менее полезна. Побывал на нескольких репетициях. Они происходили в помещении эвакогоспиталя на улице Плеханова, 26. Началась моя работа в бригаде с номера «Казачья». Я читал под музыку стихи, а потом шла казачья пляска в исполнении Люси Тихомировой, Гали Антоновой и Руфи Лавровой. Еще я читал отрывок из книги о Щорсе.

Раненых в госпитале пока не было. Мы считались дружинниками. Но вскоре стало известно, что госпиталь свертывается и эвакуируется в район Вологды. Там предстояла горячая работа по приему раненых из Мурманска. Нам предложили оформиться на штатную работу санитарам. Многие тут же написали заявления. Я, зная мамин характер, побегал домой посоветоваться. Был уверен, что родители возражать не будут. Мама сказала, пусть решает отец. Отец расспросил меня подробно обо всем и согласился. Я сразу же написал заявление — и в госпиталь. Когда пришел домой, у нас полная комната народу. Оказывается, мама, узнав, что я подал заявление, до того разволновалась, что у нее начался сердечный приступ. Все на меня смотрят с укором — вот до чего довел мать. Милая, родная моя мама! Да чем же я виноват? Ведь ты сама меня послала к отцу... Несколько дней мне просто тяжело было находиться дома. Я брал книгу и уходил в Троицкий садик.

Три дня спустя — новый приказ: госпиталь развернуть. Мы все уже были санитарам. Бои шли еще далеко от города, раненых не привози-



ли. В городе началась эпидемия дизентерии, и к нам стали привозить больных. Это была очень неприятная работа. Мы все еле выдержали.

И снова приказ: подготовиться к приему раненых. Через 24 часа мы были готовы. Почти вся наша бригада работала в приемном покое. Когда я сказал об этом отцу, он испугался, приняв приемный покой за покойницу.

Привезли первых раненых. Началась настоящая работа. Сутки работали, сутки отдыхали. Но мы, конечно, не отдыхали, а репетировали и выступали в этот свободный день иногда по несколько раз.

В это время наша семья собралась эвакуироваться. Я наотрез отказался. Сказал, что не отпускают из госпиталя. Хотя при желании можно было легко уйти. Но эвакуацию вскоре отложили.

2 ноября.

Выходной. Смотрел спектакль «Малыш» в Театре комедии. Встретил там Дину Елисееву из нашего класса — она теперь в техникуме оптики и механики, Раю Эренбург из параллельного класса. Это я про нее когда-то писал:

Попрыгунья наша Рая  
Удивительно шальная.  
И звенит, не умолкая,  
Взбаламученная Рая.

Встретил девушек, с которыми работал в комиссии по трудовой повинности. Они и сейчас там. Комедия не произвела особого впечатления. Тенин очень обаятелен. Теперь я понимаю свою сестренку Галку, которая от него без ума.

Недавно произошел случай, о котором я написал стихи:

Ночью нас бомбили.  
Утром рано  
спали мы в обнимку с тишиной.  
Привезли  
мальчишку-партизана,  
был он ранен  
пулей разрывной.  
Головы поднять  
не мог с подушки,  
побледнел,  
в тоске глядел на нас.  
Стали вдруг заметнее веснушки  
на носу курносом  
и у глаз.

Главный врач  
возился с ним немало,  
и мальчишка  
молча все терпел —  
не кричал  
и даже не стонал он,  
лишь зубами,  
как зверек, скрипел.  
А потом он вдруг  
заплакал горько,  
и заплакал только потому,  
что кисет  
с солдатскою махоркой  
врач велел  
не возвращать ему.  
Плакал он  
при всем честном народе,  
покраснел от слез  
курносый нос.  
— Воевать  
не маленький, выходит?  
А курить,  
выходит, не дорос?!  
Все мы знали,  
что свое решение  
отменять наш главный  
не любил.  
Но бывают, видно,  
исключения —  
закурил и сам он  
от волнения  
и кисет мальчишке  
возвратил.

3 ноября.

Сегодня мы начали заниматься в школе. Это для всех нас радостное событие. Я из четырех уроков был только на одном — из-за медицинского осмотра, который не успел пройти вовремя.

У нас было две химии и две литературы. На один из уроков литературы я и попал. Писали под диктовку отрывок по Гоголю. Педагога не сравнить с Раисой Григорьевной. Ее я буду всегда вспоминать с благодарностью.

5 ноября.

Ночью во время воздушного налета несколько небольших зажигательных бомб упало во двор госпиталя. Я выскочил во двор и, растерявшись, начал тушить кирпичами, которые попались под руку. От этого количество бомб на моих глазах стало увеличиваться: я их разбивал на несколько частей. Потом заметил в углу двора кучу песка. Она и была там насыпана специально для тушения зажигалок. В общем, все кончилось благополучно.

Зажигалки он сбрасывает сотнями, а иногда и по несколько тысяч. И сразу во многих районах города, чтобы трудней было тушить пожары. Вспоминаю, как горели Бадаевские склады. Это было еще в сентябре. Я шел на дежурство в госпиталь. На углу Фонтанки и проспекта Майорова огромная толпа. Стоят молча и смотрят в ту сторону, где в полночь оранжевое зарево. Часов пять не прекращался этот пожар. Говорят, там сгорело много продуктов.

8 ноября.

6-го был страшный налет с воздуха. В соседний дом (на углу Фонтанки) попали две фугасные бомбы. Семи этажей как не бывало. Много жертв — смотреть невозможно. Этот дом мне особенно дорог — мы жили там со дня приезда в Ленинград. Четыре года назад переехали. А мама собиралась в магазин, который находился в этом доме, там давали по карточкам к праздникам соленые помидоры. Бомбы упали до того, как объявили воздушную тревогу. Мама уже надела пальто, взяла сумку, но потом задержалась на несколько минут на кухне. И тут раздался страшный взрыв. У нас посыпались стекла... А если бы не задержалась?

9 ноября.

Работаю и учусь. К 8 часам вечера иду в госпиталь. Работаю до 8 утра. Потом бегом в школу. Там до 2—3 часов. Делаю уроки, сплю пару часов и к 8 вечера опять на работу. Трудно. Бывают сутки, когда сплю по три часа. Если нет тревог и не привозят раненых, можно немного поспать в госпитале.

Видел, как проходили по улице бойцы Народного ополчения. Меня удивил их очень гражданский вид. Много пожилых людей. В очках. Без выправки.

10 ноября.

Прочел книгу о Марке Твене из серии «Жизнь замечательных людей». Написано скучновато. А жизнь у него была очень интересная. До того как стать писателем, он был лодчманом, газетным репортером, редактором и даже занимался изобретениями. Читал лекции, выступал со своими рассказами перед публикой. Выступая, он вспоминал эпизоды из своей жизни, обычно смешные. Например, о том, как в детстве он ста-

шил арбуз. Когда оказалось, что арбуз зеленый, он вернул его хозяину. В награду получил другой — спелый.

Придется на время расстаться с книгами, кроме учебников, конечно, — не хватает времени.

14 ноября.

Всю ночь продолжались тревоги. С небольшими интервалами. Днем было уже четыре тревоги. Последняя из них только что кончилась. В школу сегодня не пошел. И очень разумно поступил, так как было всего два урока, да и то неполных из-за тревог. Я хоть немного выспался.

С 12 ноября сократили выдачу хлеба. Рабочим теперь — 300 граммов, а служащим и иждивенцам — 150. Приближаемся к осмьюшке.

Если сейчас не откроют дорогу, будет, думаю, еще трудней. Наши, по всем признакам, нажимают изо всех сил, чтобы открыть дорогу, но он сильно укрепился. Приезжал к нам домой старшина из Юриной части. Их дивизию перебросили в район Тосно.

Днем ходил к знакомому. Он на зенитной батарее, которая совсем рядом с памятником Петру. Я отнес ему ватник и теплые брюки. Немного прошлись по набережной. Рассказывает, что устроились они в землянке неплохо — соорудили печь, и там теперь тепло. Стрелять им приходится не часто, так как немец разведаль их точку и старается обойти стороной.

На берегу Невы какие-то мелкие корабли. Их подняли на берег. Команды, наверно, бьются на суше. Много кораблей на Неве. Видел две подлодки. Раненые краснофлотцы рассказывали мне о гибели части нашего Балтфлота при переходе в Кронштадт. У меня возникает мысль, что самый сильный флот у нас должен быть на Тихом океане, на дальневосточных базах, а на Балтике сильная береговая оборона, подлодки, торпедные катера, миноносцы и легкие крейсера. А то где тут развернуться линкору или авианосцу?

15 ноября.

Возле таврического дворца попал под артиллерийский обстрел. По противоположной стороне улицы бежала женщина и кричала истощенным голосом. На руках у нее — маленький ребенок. Пальтишко залито кровью. Молчит. Или он потерял сознание, или его убило осколком снаряда. А женщина кричала все громче и громче... Ничего страшнее в жизни я не видел.

16 ноября.

Недавно пришел с работы. В школу не надо — воскресенье. Пошел в баню. Закрыто. Нет воды.

Ночь была удивительно спокойная. А вчера вечером была большая тревога. Я стоял в подворотне нашего дома. Там собралось много народу. По небу ползали лучи прожекторов. Где-то ухали зенитки. Слышался шум моторов наших ночных «ястребков». Вдруг чей-то голос: «Это наши прожектора или немецкие?» Я настолько удивился нелепому вопросу, что чуть не сказал, что немецкие. «Наши, а что?» «Ну, тогда не страшно», — последовал ответ. Я пытался рассмотреть, кто это. Но кругом крошечная темнота. Потом все-таки разглядел эту странную старушку. Она оказалась моей первой учительницей музыки.

17 ноября.

В школу пришел к третьему уроку, так как утром привезли раненых. Среди них был мальчишка, раненный в ногу. Веселый крепкий паренек. Связист при штабе 8-й армии. Держит себя очень достойно. Над ним не вздумай шутить!

В школе получил первую отметку — «отлично» по геометрии. Преподает директор. В классе холодно. Все в пальто. Сегодня он вызвал девочку к доске: «Пальто можете снять, я постараюсь, чтобы вам не было холодно». Один ученик написал синус и косинус с большой буквы. «Если вам так хочется писать эти слова с большой буквы, то, когда у вас будут дети, назовите одного Синусом, а другого Косинусом. И пишите с большой буквы, я не посмею вам запретить».

Хорошо, когда человек не теряет чувство юмора в таких тяжелых условиях. Трагическое и смешное часто рядом. Вот недавно в театре шел спектакль...

В холодном зале мы сидели.  
Стояла в зале тишина.  
В пальто сидели и в шинелях.  
Там шел спектакль.  
И шла война.

И в самом интересном месте,  
когда в саду,  
в тени ветвей,  
герой,  
придя к своей невесте,  
решил сказать о чем-то ей...

От нетерпенья замирая,  
мы ждали этих главных фраз.  
«Хочу сказать тебе, родная...»  
И тут бомбежка началась.

Когда закончилась тревога,  
мы свой покинули подвал,  
и вот опять  
в молчанье строгом  
притих наш театральный зал.

И, сцену как бы продолжая,  
подходит к девушке герой:  
«Хочу сказать тебе, родная...»  
И тут опять сирены вой.

В бомбоубежище  
актеры  
шли с нами вместе через зал.  
Был, верно, там и тот,  
который  
героя этого играл.

Хотел спросить его в подвале,  
но там темно,  
как на беду.  
Да и раскрыл бы он едва ли  
сюжет  
Ну ладно. Подожду.

И я, надежду не теряя,  
опять иду в хлодный зал.  
«Хочу сказать тебе, родная», —  
промолвил он  
и замолчал.

И все притихли,  
ожидая,  
что вновь прервут,  
в который раз.  
Он повторил:  
«Тебе, родная...»  
И вновь сирена раздалась!

Бомбежки эти проклиная,  
мы расходились в полночь спать.  
Так до сих пор я и не знаю,  
о чем он ей хотел сказать?!

18 ноября.

Сейчас тревога. Бьют зенитки. Мне еще надо выучить уроки. А к восьми вечера на работу. В бомбоубежище ходить перестал. И многие так. Ведь бомбит по нескольку раз в день, а бывает так, что одна тревога длится пять часов. Что же, так и сидеть все время в подвале? Много бед от бомб замедленного действия. Упадет такая чушка, и не знаешь, когда она взорвется. А немец еще взрыватели хитрые ставит. Чтобы трудней было обезвредить.

20 ноября.

Скоро пять месяцев войне. А сколько еще впереди? Америка, наверно, тоже начнет, а потом Япония, Турция (что-то неспроста взял премьер отпуск).

В городе очень плохо с продовольствием — чувствуется блокада. Сегодня рабочим — уже 250 гр. хлеба, а служащим и иждивенцам — 125. На каждом лице это можно прочесть. Вчера на работу пришел в 22.30. Не пускали тревоги. Сегодня выходной. Сходил в кино. Смотрел старую картину «Процесс о трех миллионах» с Ильинским и Кторовым. Уроки учу преимущественно во время тревог. Сплю очень мало.

21 ноября.

Англичане жмут в Ливии. Приветствую! Вчера в центральных газетах видел фотографии английских и американских самолетов, действующих на нашем фронте. Еще лучше! Того и гляди, через годик заплачет фюрер настоящими слезами.

Только что заделал окно подушками. Дело в том, что все утро и сейчас артобстрел. Один снаряд угодил в наш дом — в крышу. Посыпались стекла и кирпичи, но жертв нет. Я поднялся на чердак. Взял на память осколок.

24 ноября.

Сейчас тревога, но спокойно. Только что пришел из школы.

Вчера разговаривал с одним раненым моряком, очевидцем первого воздушного налета на Кронштадт. Жутко и в то же время красиво (его слова). Немецких самолетов было около сотни, и летели они на большой высоте, чтобы зенитки не достали. Все орудия Кронштадта и кораблей открыли бешеный огонь. Самолеты начали бомбардировку. И тут случилось невероятное! Если это не его фантазия, то действительно невероятно: бомбы не долетали до цели, а взрывались в воздухе — от снарядов. Вряд ли это возможно, хоть в Кронштадте и сотни орудий.

25 ноября.

Мама говорит, что можно улететь в Вологду. На днях должно выясниться. С продовольствием все хуже и хуже. Хлеба выдают по карточкам очень мало, да он и не пахнет хлебом. Чего только туда не добавляют — и жмых, и сою, и даже, говорят, целлюлозу. Сразу после того, как поел, хочется опять есть. Недавно мы устроили дома настоящий «пир». Вместе собираемся очень редко: отец на казарменном положении, я в госпитале, Галка в институте. А тут все вдруг собрались. Мама затопила голландскую печку и сварила маленький котелок пшенной каши. Каждому досталось по несколько ложек. Потом долго болтали, сидя возле печки.

Сегодня получил «отлично» по физике и географии (последнюю читал на работе, пока не привезли раненых). Завтра в школу не пойду — надо отоспаться. Сегодня весь день проклятая тревога.

Говорят, вчера немец бросал листовки.

Один парень из нашего класса рассказал мне, что его брат, летчик гражданской авиации, работает на линии Ленинград — город Н. Говорит, что сейчас из города улетает много народу, а в обратный рейс они берут по несколько тонн галет, шоколад и какие-то жиры. Летает на транспортном «дугласе».

27 ноября.

Внимательно слежу за событиями в Ливии. Есть надежда на победу Англии. Не теряю я и надежду, что откроют новый фронт в Европе! Но где? Думаю, во Франции или в Греции.

Вчера передавали о крупном успехе наших войск на Юге. Побольше бы этих успехов! В Тосно и на Неве наши несут большие потери, двигаются медленно. Немецкая оборона очень крепка: множество огневых средств и очень удобное расположение. Но все равно его выкорчуют оттуда.

5 декабря.

Позавчера в доме была суматоха. Галин институт должен был эвакуироваться. Им велели собрать вещи и ждать. Но вчера эвакуацию приостановили. Очень и очень жаль. Галя могла бы взять с собой младшую сестренку Женю.

У нас нет света третий день. С продовольствием еще хуже. Жиры и сахар не дают по карточкам вообще, а крупу и мясо уменьшили. Вчера вечером на тротуаре увидел старика, он не мог двигаться от слабости. Немец занял Тихвин и угрожает Волхову. Полная блокада. Если бы Англия объявила войну Финляндии и начала там действовать, все же стало бы легче.

В школе очень холодно. Не топят. Вчера ночью две тревоги. Где-то недалеко сбросил.



12 декабря.

За эти семь дней произошло многое. Настроение поднялось — ведь наши заняли Тихвин и Елец.

Вчера ночью привезли много раненых. Среди них молодой парень — студент Московского университета. У меня перед глазами его окаменелое лицо, стеклянные глаза, судорожно сжимающаяся и разжимающаяся челюсть: «Гитлер, Гитлер, Гитлер! Убить! Убить!» И так сотни раз. Он сошел с ума.

13 декабря.

Прочел не отрываясь «Воспоминания В. А. Мичуриной-Самойловой». В конце книги — заветы молодежи.

«Люби искусство больше себя, тогда и тебя полюбит искусство. С радостью переноси все душевные страдания — это помощь твоему творчеству».

Этот завет я очень прочувствовал (душевных страданий хватает). И еще два завета я уже выполняю давно: «Мало спи» и «В день спектакля ешь впроголодь». В книге есть смешной эпизод. В каком-то спектакле на сцене стоял гроб, в котором лежал статист — солдат. Расплавленный воск от свечи капал ему на лицо. Он не выдержал: поднялся, потушил свечу и опять лег.

17 декабря.

Настроение прекрасное в связи с новыми победами на фронте. В шесть часов я неизменно у приемника.

Но в городе плохо. Очень много людей умирает. Дней пятнадцать не было тревог. Артобстрел каждый день. Дефицитом теперь является не только хлеб, но и доски для гробов. Развелись воришки по линии продовольственных карточек.

Вчера на дверях магазина (угол Майорова и Плеханова) прочел две записки-объявления:

«Утеряны 3 крупные карточки: рабочая, служащая и детская. Нашедшего м о л и м вернуть по адресу...»

«Продаю случайно гроб большого размера». И указан адрес.

18 декабря.

У меня выходной. Только что пришел из театра. Смотрел «Даму с камелиями» А. Дюма.

Очень жаль, что не участвовал Борис Смирнов, хотя заменявший его актер играл неплохо. Не совсем удачно аккомпанировали спектаклю

выстрелы дальнобойных орудий. Кроме того, чувствуется просто физическая слабость у всех актеров. Запомнилась в роли служанки неизвестная актриса. Программки не было.

20 декабря.

Сегодня посмотрел на себя в зеркало и испугался. Худой и серый, как тень. Как только на ногах держусь? Придется, видно, уходить с работы. Тяжело.

Очень много людей умирает от голода. Вчера видел, как везли на грузовике гору трупов. Ветром сорвало брезент, которым они были прикрыты.

У немца, видно, есть свои лазутчики в городе. Когда ночью начинается бомбежка, кто-то подает ему сигналы ракетами. Однажды я видел, как такая ракета взвилась с крыши соседнего дома в сторону Красноармейских улиц (там военные казармы). Я вместе с двумя мальчишками бросился в соседний дом. Поднялись на чердак. Но того гада уже и след простыл.

25 декабря.

Иду я в свой госпиталь  
в ночной тишине  
и вижу — о, господи!  
Не снится ли мне?

Война еще, кажется,  
гремит над землей...  
Кому это пляшется  
на той мостовой?!

Проспекта Майорова  
узнать не могу.  
Как пляшут-то здорово  
они на снегу!

Выходит с частушкою  
девчонка одна.  
А с виду старушкою  
казалась она.

Пальто подпоясано  
солдатским ремнем.  
Как бабка, повязана  
крест-накрест платком.

Лицо закопченное.  
Глазищи на нем,  
как звезды зеленые  
на небе ночном.

Да это не чудо ли?  
И что ей война!  
Со злостью и удалью  
пляшет она.

— Скажи ты мне, девушка,  
с чего это вдруг?  
— Прибавили хлебушка,  
прибавили, друг!

Я в сутолоке уличной  
стою у ворот,  
смотрю, как у булочной  
пляшет народ.

Солдатские дочери  
и жены солдат  
забыли про очередь,  
в которой стоят.

Плясали с дробушками  
под старый мотив,  
своими частушками  
проспект разбудив.

В них город свой славили,  
грозили врагам,  
а хлеба прибавили  
семьдесят  
пять  
грамм.

Сегодня подняли норму на хлеб. Рабочим теперь 350 гр., а всем остальным по 200 гр. Все время понижали норму, а сегодня впервые повысили. Значит, какой-то перелом к лучшему.

20-го наши начали наступление в районе Колпина, Пулкова. Заняли несколько деревень. Юра теперь не на фронте, а в городе, в школе лейтенантов. Он говорит, что наши войска под Ленинградом очень истощены. Единственная надежда на войска Федюнинского, действующего с тыла.

Трамваи не ходят, свет очень часто отключают, но вообще чувствуется, что дело идет к лучшему.

5 января 1942 года.

Прошел 1941 год. Он был для меня и для всех нас годом тяжелых испытаний. Он многому меня научил. Все говорят, что 42-й будет счастливым, и я верю в это.

31-го вечером я огорчился, что не удастся встретить Новый год дома вместе со всеми, так как работа — в ночь. Но встретил Новый год хорошо. На работе был доклад, кино «Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года» и концерт. Я был в чудном настроении: артист, читавший отрывки из «Швейка», нас всех развеселил. Кроме того, перед уходом в госпиталь мы с мамой и папой выпили по рюмочке вина. Женья и Галя были в театре. А вино в этот день было в любом доме, так как выдали под Новый год по карточкам каждому человеку по пол-литра вина. В госпитале мы тоже устроили праздничный стол: перед каждым стоял стакан шампанского и тарелочка с закуской. Закуска была у всех одинаковая — горсточка необыкновенно вкусной сушеной морковки.

В 6 утра привезли партию раненых. На Ленинградском фронте, по их словам, ничего существенного не произошло.

Огромной радостью для всех был новогодний подарок — занятие нашими войсками Керчи и Феодосии. Это было большой неожиданностью и еще большей радостью.

Я сделал себе хорошую карту районов, где сейчас идут бои. Отмечаю, какие города заняты нашими войсками. К 10 января по моим «стратегическим планам» наши возьмут Можайск, Верею, Ржев, Медынь, Сухиничи, а может быть, и что-нибудь покрупней, вроде Орла или Курска.

В городе положение очень серьезное. Люди умирают и умирают от голода. Не успевают убирать и хоронить трупы. Вчера вечером я шел в госпиталь, торопился, так как немного опаздывал. Вижу, на тротуаре возле дома лежит мертвый человек. Я позвал дворника этого дома (он обязан был убрать труп) и поспешил на работу, было уже около восьми. А когда сегодня утром возвращался домой, увидел тот же труп возле другого дома. Наверно, дворник перетащил его, чтобы избавиться от лишних хлопот. Я разглядел лицо этого человека. Молодой, лет двадцати...

21 января.

Долго не заглядывал в свой дневник. И сам не знаю, почему. Писать есть о чем, но о невзгодах писать надоедает, особенно если писать часто.

Уже во время войны Елена Ивановна (режиссер нашей концертной бригады) советовала мне: «Если хочешь меньше чувствовать невзгоды, смотри на них шутя, не падай духом».

Но теперь наступило такое время, что падать духом нельзя, а шутить можно лишь сквозь слезы. Попробую...

Центр культурной жизни страны — Ленинград. Январь 1942 года. Раньше много средств тратили на рекламу «Берегись уличного движения». На каждом шагу встречались плакаты, указатели, даже выставки на эту тему. А теперь... Я ручаюсь головой, что за последний месяц не было ни одного несчастного случая из-за трамвая, так как уже более месяца трамваи в городе не ходят. Троллейбусы тоже. Автомашин очень мало. Под них попасть невозможно, так как об их приближении возвещает резкий запах — машины работают на смеси. Бензин достать трудно. Зато появился новый вид транспорта — санки. На них перевозят все — начиная от дров и кончая покойниками.

Раньше платили за электричество, теперь не платим, так как света нет. В любой квартире — коптилки. У нас их несколько штук. Из-за этих коптилок все чаще встречаешь на улице настоящих арапов. Иногда в этой роли выступает молодая, когда-то, очевидно, красивая девушка. По ее лицу видно, что она не мылась много дней. В городе очень трудно с водой. Ее приходится возить на санках издалека. Бани не работают. Канализация испорчена.

Дров не хватает. Я пишу сейчас в комнате, но на мне ватник, руки в перчатках.

Хуже всего с продовольствием. Жиры, так необходимые при морозах (до —30), не выдавали с середины декабря. Сахар за январь только позавчера начали давать по 100 гр. на человека. Крупы не давали полмесяца.

На рынке (существует и такой) хлеб стоит 300 руб. кг., масло 1000 р. кг., коробок спичек — 5—10 рублей.

Научились делать новые блюда. Например, из столярного клея — студень. Другой вид студня — из белых ремней.

Радио работает с перебоями. Кинотеатры закрыты.

25 января.

Был у Кости Пантелеева из нашего класса. Он лежал на кровати чуть живой, в пальто и под двумя одеялами. Мама его была на работе — она служит на почте. Я разломал один стул, затопил «буржуйку»... Через день зашел к нему снова. Он уже умер. У нас в классе многие еще не решили, чем будут заниматься после школы. А Костя знал точно, что будет геологом.

15 января взял расчет в госпитале. Во-первых, собирались уезжать (уже в который раз!), а во-вторых, чертовски устал.

С 23 января снова начал посещать школу. Очень многое там изменилось. Умерли директор школы и преподаватель физики Касьян Никифорович.

В классе по списку 15 человек, ходят — 12. Все уроки ведутся вокруг «буржуйки», которая страшно коптит. Все приходят без тетрадей, так как ничего не записываем. Причина того, что школа еще существует, — суп, который дают ученикам и педагогам без карточек по две тарелки в день.

Сейчас стоят большие морозы — 30° ниже нуля. Из-за этого весь город остался без воды, так как выключили сеть. От Невы тянутся целые вереницы людей с ведрами, баками, бочками. Конечно, все на санках. Раньше была забота — убирать снег. Теперь ее нет, снег заменяет воду.

Сегодня после школы отправился на Неву за водой. Недалеко от дома (на углу Майорова и Садовой) санки опрокинулись. Видно, кто-то уже здесь пролил воду, образовался ледяной бугорок, на нем-то я и поскользнулся. Идти второй раз на Неву не было сил. Принес домой в ведре снег.

Наши войска нанесли немцу сильный удар. Новые надежды, что все-таки все будет хорошо, все переживем!

4 февраля.

Находимся в Осиновой роще. Это рядом с Парголовом. В 3 часа мы на машинах должны выехать к Ладожскому озеру, пересечь его — и до свидания, родной и любимый Ленинград! Буду счастлив, если это свидание наступит скоро.

9 февраля.

Через Ладожское озеро колонна машин пошла, когда стемнело. Нас предупредили — если начнется бомбежка, всем машинам очистить дорогу, свернуть вправо или влево. Бомбежка началась, и все машины свернули с дороги. А когда кончилась бомбежка и машины стали собираться, одной недосчитались. Видно, провалилась в воронку от бомбы, которых немало по краям дороги.

На другом берегу озера нас ждал товарный эшелон.

## ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕКУ

В Польше существует такая премия «Человек — человеку». Ею награждают ежегодно трех человек. Даже трудно словами объяснить — за что? За бескорыстие. За милосердие. За доброту. За помощь человека человеку. Одним из лауреатов этой премии является пани Галина Любич. Сейчас, когда я пишу эти строки, ей исполнилось восемьдесят два года. Она очень красивая женщина. Не со следами бывлой красоты, а именно красивая. Глядя на пани Галину, я думаю о тех, не очень молодых женщинах, которые уже беспокоятся — как сохранить свою красо-

ту?.. Все очень просто — надо жить, как пани Галина, совершать столько добрых дел, как она, и красота сохранится, во всяком случае, до восьмидесяти двух лет.

Пани Галина Любич из артистической семьи. Кстати, до 1905 года ее мать и отец работали в России, в одном из гастрольных театров. Она и родилась во время гастролей в Польше, в 1906 году. Воспитывали ее дедушка и бабушка, так как родители были все время в разъездах. Но с начала мировой войны она уже с мамой и папой. Учится музыке, учится искусству. А девятнадцатилетняя пани Галина — актриса драматического театра в Познани. Красивая внешность, музыкальность и артистичность постепенно помогли ей стать одной из самых любимых зрителями актрис. Когда Польша была оккупирована фашистами, театры, во всяком случае некоторые из них, возобновили свою работу. Пани Галина ни разу не вышла на сцену во время оккупации. Ее знали и звали. Она отказалась. Хотя понимала, что это не безопасно. Чтобы не умереть с голода, стала шить. Она и шьет прекрасно и вышивает. У меня дома хранится ее подарок — искусно вышитые маленькие салфетки. Она, очевидно, все делает хорошо, умело, талантливо, за что ни возьмется. Есть такие счастливые и непременно трудолюбивые люди на земле. Но я немного отвлекся от премии «Человек — человеку». За что конкретно она ее получила?.. За многолетнюю помощь Михалу Казову, человеку мужественному и нестигаемому, человеку удивительной, просто невероятной судьбы.

Говорят — нет безвыходных положений. Наверное, так оно и есть. Сила человеческого духа так велика, что и в безвыходном, казалось бы, положении человек находит выход. Так было с Николаем Островским, Маресьевым и другими известными и безымянными героями. Я был свидетелем такого массового героизма в блокадном Ленинграде. В декабре 1941 года голод косил людей, не работал водопровод, не было света, фашисты по нескольку раз в день бомбили город, обстреливали из дальнобойных орудий... А бойцы держали оборону. А Шостакович сочинял свою легендарную симфонию, рабочие на Кировском заводе ремонтировали танки.

Не случайно вспомнил я о ленинградской блокаде. С тех пор прошло много лет и многое забылось. Но людей, которых я видел в осажденном городе, мужество их и стойкость забыть невозможно. Мне казалось, что удивить меня такими качествами человеческого характера уже нельзя... И вот — встреча в Польше.

Мы приехали в Зелёна-Гуру для участия в Днях советской литературы. В это же время там проходил широко известный фестиваль советской песни. Невозможно было без волнения слушать, как польские юноши и девушки, изучающие русский язык, читали стихи Сергея Есенина и Михаила Светлова, как пели «Журавли», «Дороги», «Соловьи» и другие наши песни.

Мы побывали в нескольких городах Зеленогурского воеводства, и везде чувствовалось, что к нам относятся как к братьям, что на зеленогурской земле много делается для развития и укрепления дружбы наших народов, и делается по-настоящему, с душой. Не случайно именно Зелёна-Гура стала «польской столицей советской песни».

В маленьком автобусе, который должен был доставить нас в город Жары, я оказался рядом с мужчиной примерно моего возраста в темных очках, который хорошо говорил по-русски. Мы познакомились, разговорились. Сначала я обратил внимание на то, что у моего соседа нет правой руки. Когда он повернулся ко мне, я понял, что и левой руки у него нет. Мы рассказывали друг другу о своей работе. Оказалось, что Михал Казюв рецензирует радиопьесы, написал книгу «Эстетика радиопьесы». Я уже было собрался спросить, почему только радиопьесы интересуют его. И тут, приглядевшись внимательней, понял, что черные очки Михал носит не от солнца. Он ничего не видит. Отсюда и радиопьесы.

Потом, вернувшись в Зелёна-Гуру, я пытался разобраться, понять, почему я, разговаривая с Михалом, не сразу догадался о том, что он ничего не видит. Мое невнимание?.. Нет, дело тут не во мне. Михал так легко и непринужденно вел беседу, так заразительно смеялся, когда очень симпатичная женщина, сидевшая сзади нас, подавала какую-нибудь реплику, иронически комментируя его рассказ, что у меня поначалу и мысли не возникло о том, что рядом со мной сидит человек, лишенный не только рук, но и зрения.

А сзади сидела пани Галина Любич, которая многие годы помогает Михалу, ухаживает за ним. Когда в городе Жары мы отстали немного от всей группы, я спросил Михала о пани Галине: «Она ваша жена?» «Нет, — ответил он, — не жена». «Коханна?». — «Нет». — «Кто же она?» Михал на какое-то мгновение задумался и сказал: «Она — человек». Я не случайно написал слово «человек» с маленькой буквы — Михал произнес его очень просто, даже буднично. Хотя, конечно же, пани Галина Любич — Человек!..

Мне хотелось узнать все о жизни Михала, но расспрашивать я как-то не решался, боялся, что воспоминания растревожат его. То ли он почувствовал эту мою потребность все узнать о нем, то ли в нем самом возникла потребность рассказать о прожитых годах, только во время следующей встречи этот рассказ я услышал...

— Я в деревне родился. До войны семь классов окончил... А это все... случилось со мной в октябре 1945 года. Мне тогда двадцать лет было. Война закончилась, но во Вроцлаве, где я служил, в лесах вокруг города да, наверное, и в других местах Польши скрывались недобитые фашисты. Объединившись в бандитские группы, они совершали нападения, грабили, убивали людей... В ту ночь я был начальником караула во вроцлавском порту. С вечера на склад завезли продовольствие для армии, мы его охраняли. В сорок пятом, сразу после окончания войны, с продуктами было трудно... Проверил я часовых, пошел отдыхать. Но



никак уснуть не могу. Непокорно на душе. Как будто предчувствие какое-то. Посидел немного и снова пошел проверять посты. Почти сразу же на фоне ночного неба увидел — к складу приближается группа людей. Идут, озираясь по сторонам. Я крикнул: «Стойте! Кто идет?» В ответ — автоматная очередь. Завязалась перестрелка. Я дал условный сигнал — три зеленые ракеты, одну красную. Вскоре к нам подошла подмога. Бандиты отошли, но оставили несколько мин. Мы об этом, конечно, не знали... Помню, как взял я в правую руку какой-то предмет, лежавший на земле. Раздался взрыв. Больше я уже ничего не видел. Помню только голос: «Скорей! Скорей в госпиталь! Может быть, удастся его спасти!» Но, видно, крови я много потерял — она текла двумя потоками, обе руки мне оторвало. Говорят, врач сказал: «Только чудом он может остаться в живых». Я этого уже не слышал — мне потом медсестра рассказала. А чудо произошло — остался я в живых...

Да, это было первое чудо Михала Казюва. Но не последнее. После госпиталя он вернулся в деревню, где жили его родители и сестра. Государство назначило пенсию. Он мог, как говорится, доживать свой век в деревне под Зелёна-Гурой. Это был, как считали многие, единственный вариант в его положении... Доживать свой век? Это в двадцать-то?! Это с его характером?! Нет, нет и нет! Он хочет учиться. Хочет работать. А как?.. Но ведь учатся слепые люди. Читают специальные книги при помощи пальцев. При помощи пальцев... А если у тебя ампутированы обе руки выше локтей? Безвыходное положение. А еще говорят — нет безвыходных положений!..

И тут Человек пришел на помощь Человеку. В жизнь Михала вошла пани Галина Любич. После войны она организовала детский театр, была в нем и главным режиссером, и директором. Работала с утра до ночи. Казалось бы, ни о чем другом и помыслить невозможно. Но надо знать пани Галину, ее неукротимую энергию доброты. В городе Познани она учит слепых людей петь, читать стихи. Все это на общественных началах.

Когда пришло письмо от Михала в общество слепых, на него ответила пани Галина. В ее письме была ложь. Но святая ложь!.. Она написала Михалу, что на свете есть люди, которые читают книги слепых губами. Таких людей не было.

Но тут произошло второе чудо Михала Казюва. Впервые в мире он научился читать книги для слепых губами. Слепой человек без двух рук окончил лицей и поступил на филологический факультет Познаньского университета. После окончания университета защитил кандидатскую диссертацию (в Польше она называется докторской). Работает с полной отдачей сил — каждую неделю в газете появляется его рецензия на очередной радиоспектакль. Вышла его книга «Эстетика радиопьесы».

Вот вам и третье чудо Михала Казюва. И, возможно, не последнее.

Я спросил Михала — как он читает книги для слепых? Есть какое-то приспособление?.. Он повел меня в другую комнату (разговор был у него дома) и показал очень простое сооружение из дерева, нечто вроде дирижерского пульта.

— Это мой отец в деревне сам смастерил. А посоветовала опять же пани Галина... Пани Галина... Что бы я без нее делал?.. Это она сперва присылала мне в деревню короткие письма для слепых, и я их сам читал, поставив на эту вот штуку. Потом приехала к нам в деревню. Это она добилась, чтобы мне дали стипендию и я стал учиться в лицее, а потом в университете в Познани. В это время я жил в доме пани Галины и ее мужа. Она познакомила меня с познаньским обществом слепых, я пел в их хоре, даже читал стихи с эстрады. А пани Галина играла на рояле. И она, и муж, и их сын — все считали меня членом их семьи. Больше всего мной занималась в это время мать пани Галины — умывала, давала есть и пить, брила меня. Очень добрая была женщина пани Мария. Видно, всё от нее у дочери. Когда мать умерла, за мной стала ухаживать пани Галина. А после смерти мужа она переехала в Зелёна-Гуру и сперва вместе с моей матерью, а потом одна стала заниматься мной. Вы думаете, у нее такой мягкий характер? Ничего подобного. Она никогда не охает и не ахает, не говорит утешительных слов. Она только помогает. Всегда. Всем. У нее сердце твердое. Как золото. Как алмаз. Ни на какие деньги нельзя купить такое сердце. Пани Галина часто выступает и никогда не берет за это деньги. Такой она человек... Она не слышит, что я говорю?

— Нет, нет. Пани Галина хозяйничает на кухне.

— Тогда я расскажу тебе, Петр, один случай... Мы ехали с ней в поезде. По вагону шла молодая женщина и вела под руку слепого мужа. Ему двадцать пять лет. Он потерял зрение на работе. Женщина плакала. Пани Галина перевела их в наш вагон первого класса, усадила рядом и сказала женщине: «Посмотри на Михала — у него и рук нет. У вас семья, вы молоды. Муж будет работать. Все будет хорошо». Нам уже надо было выходить, но мы доехали до их станции, пани Галина отвела их в дом слепых. Такой она человек...

После нашей первой встречи с Михалом я сказал ему: «Ты совершишь преступление перед людьми, если не напишешь книгу о своей жизни». Как же приятно было мне, приехав в 1986 году снова в Зелёна-Гуру, получить в подарок новую книгу Михала Казюва. Она сейчас находится в Москве, в музее Н. Островского, в разделе «Люди корчагинской судьбы». В 1988 году я снова побывал в Зелёна-Гуре и получил в подарок последнюю книгу Михала, еще пахнущую типографской краской. Одна из его книг называется «Лица слепых глазами зрячих поэтов». Там и о Гомере, и о 1-й школе слепых, которая была создана в Париже в 1794 году, и о сегодняшнем дне.

Я всегда относился с огромным уважением и симпатией к свободному, красивому и мужественному народу дружественной нам

Польши. Для меня теперь символом стойкости и мужества, олицетворением польского характера стал Михал Казюв. И, конечно же, пани Галина.

Мне очень хочется, чтобы о Михале узнало как можно больше молодежи: те, кто работает на заводе, добывает уголь, учится в институте, служит в армии, убирает урожай. Они живут полнокровной жизнью, знают радость труда. Им бывает порой нелегко. Они учатся преодолевать трудности. Читая о Михале, они лишний раз убедятся, что безвыходных положений действительно нет, а главное — что правильно живут на свете, с полной отдачей сил, живут не только для себя, но и для людей.

Но мне хочется, чтобы о Михале прочли и те, кто живет по принципу — «где бы ни работать, лишь бы не работать» (пусть их немного, но они есть!), кто «прожигает жизнь», а если учится или работает, то вполнакала, с прохладцей. У них есть глаза и руки. Но им должно быть стыдно взглянуть этими глазами на Михала, который не видит.

А для большинства людей он символ стойкости и силы человеческого духа. Так же, как и пани Галина. Просто невозможно, говоря о Михале, не вспоминать о ней. Она всегда рядом с ним. Она живет его жизнью, помогая во всем. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Она умывает его и одевает, кормит и поит. Читает ему книги и газеты. Записывает с его слов рецензии на радиопьесы. Да разве все перечислишь?..

Больше всего меня удивило и покорило в их отношениях неиссякаемое чувство юмора. Вот Михал, встав из-за стола, начинает читать стихи Адама Мицкевича и, запнувшись, не может вспомнить следующие строчки. Пани Галина, положив ему руки на плечи, усаживает на стул и говорит: «Пан Михал, ваш номер провалился. Следующий — мой!» Она садится за фортепиано и с блеском исполняет несколько номеров из оперетт. Я спрашиваю — не работала ли она и в музыкальном театре? Она улыбается и говорит:

— Где я только не работала!.. И в оперетте тоже.

Михал рассказывал мне:

— Я много читал и читаю губами книги для слепых. Но немало книг прочла мне вслух за эти годы и пани Галина. Она хитрая — сперва прочла какие-то не очень значительные книги, потом, как бы между прочим, «Как закалялась сталь» Николая Островского, потом опять какие-то, тут же забытые мною книги, и вдруг — «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Ох, и хитрая эта пани Галина!..

Михал засмеялся, потом немного помолчал и, задумавшись, очень просто и тихо сказал:

— Но, конечно, эти две книги мне помогли... Да, это так...

Недавно пани Галина тяжело заболела. Она лежала в больнице в городе Лодзь, где живет ее сын (он возглавляет один из театров) со своей семьей. После выписки из больницы и сын, и его жена, и внуки просили

пани Галину остаться в Лодзи, ну, хотя бы пожить некоторое время у них. Она сказала:

— Нет. Я должна помогать Михалу.

Внуки каждый год приезжают в Зелёна-Гуру на каникулы. Они очень любят свою бабушку и дядю Михала.

Уже из Москвы, сразу после первой поездки, я позвонил в Зелёна-Гуру, чтобы кое-что уточнить для очерка, и спросил:

— Михал, ты член партии или беспартийный?..

Он ответил:

— Конечно, член партии.

В интонации слова «конечно» звучало «иначе и быть не могло».

Я потом пытался вспомнить, когда мы с ним перешли на «ты», но так и не вспомнил. То ли в первый, то ли во второй день нашего знакомства. И кто первый обратился на «ты» — не могу вспомнить. Свой первый очерк о Михале я закончил словами: «Я смотрел на него и думал о том, что Михал должен написать книгу о своей жизни». Как хорошо, что эта книга находится сейчас в музее Николая Островского.

## НЕ НА ТРЕХ КИТАХ

Везет мне в жизни на хороших людей. И не просто на хороших, интересных, а на таких, которых без преувеличения можно назвать героями нашего времени. По радио и в газете я рассказывал о тех, кого встретил на Чебоксарском заводе промышленных тракторов и в городе Тольятти... Ну, тут, как говорится, само место действия предполагает яркие человеческие характеры. Вся страна знает о тракторном гиганте на Волге. Знаменитый автомобильный завод в Тольятти известен во всем мире.

А кто слышал о небольшом заводе кожтехизделий в городе Узловая Тульской области? Наверное, не так уж много людей. А ведь именно на этом маленьком заводе, в цехе, который расположен в одноэтажном, довольно неказистом доме (раньше там помещался какой-то склад), я и встретил свою героиню — женщину удивительную, необыкновенную и самую что ни на есть обыкновенную.

Когда я попросил технолога назвать мне кого-нибудь из лучших работниц, она назвала Ирину Казанцеву, показав на высокую женщину в темном халате и красной косынке. Я некоторое время наблюдал за ее работой. Штамповка готовых изделий — дело несложное, но простоять восемь часов на одном месте и несколько тысяч раз произвести одну и ту же операцию, наверное, утомительно. А Казанцева работала легко, красиво, и видно было, что работа доставляет ей удовольствие. Заметив, что я наблюдаю за ней, улыбнулась как-то очень светло, словно сказала: «Любуетесь моей работой? Ну что ж, любуйтесь себе на здоровье».

Во время обеденного перерыва мы беседовали с Казанцевой в комнате начальника цеха. Первая неожиданность — оказалось, что эта женщина с очень добрым и моложавым лицом не только мать пятерых детей, но уже бабушка — у нее десять внуков и внучек.

Казанцева многие годы была мастером. Переходящее звание почти все время находилось в ее бригаде. Любили и уважали своего бригадира все, но особенно молодые работницы, для которых была она и наставницей, и старшим другом. Да и сейчас по любому вопросу бегут к ней советоваться — и как лучше работу наладить, и «стоит ли идти в загс с этим рыжим Николаем или пока не спешить, приглядеться...»

Я поинтересовался, почему Казанцева оставила бригадирство. Она застенчиво улыбнулась и сказала: «Скоро закончу работать, хочу, чтобы пенсия немного побольше была. А здесь зарплата от выработки зависит. Ну, и получается у меня побольше, чем когда бригадиром была». Ведь она знала, что я писать о ней буду. Могла бы какую-нибудь другую причину назвать или просто промолчать. Нет, сказала все, как есть. И очень мне сразу пришлось по душе своей откровенностью, искренностью, отсутствием какой бы то ни было позы, громкой фразы, что, мне кажется, вообще характерно для настоящего труженика.

Рассказывала она мне о своей сегодняшней жизни, о семье: «Квартира у нас не очень удобная. С нами еще две дочери живут, так что тесновато. Давали нам квартиру побольше и получше, но муж не захотел переезжать, ну, и я с ним согласилась. У нас тут садовый участок недалеко, выращиваем картошку, огурцы, помидоры, и яблоки у нас, и ягода всякая... Муж погреб построил, круглый год в доме и овощи свежие и фрукты. Свои».

В общем, после разговора с Казанцевой у меня осталось впечатление, что она человек очень спокойный, домашний, что ли... Но когда я высказал эту мысль, беседуя с другими работниками завода, на меня просто руками замахали:

«Казанцева — домашний, спокойный человек?! Да вы что! Она у нас самая беспокойная. Ей до всего дело! Если в цехе что-то не ладится, первая голос поднимет — давайте разберемся. И не бывает пятиминутки, чтобы Казанцева не выступила. И всегда без лишних слов, коротко, по существу. Сама просто не может плохо работать и считает, что все так должны».

Плакат новый повесили в таком месте, что его почти не видно. Все мимо прошли, внимания не обратили, а она перевесила на видное место и говорит: «Или не вешайте совсем, или так, чтобы плакат виден был». Вот она какая спокойная».

Слушая эти высказывания товарищей Казанцевой по работе, я невольно вспомнил героя известного рассказа Лескова «Левша». А может быть, писатель не случайно выбрал именно тульского мастерового героем рассказа? Левша и работает с огромным искусством, и гордится своей

работой. Он не то что не хочет плохо работать, а просто не может, если бы даже и захотел. Хорошая работа как бы стала его второй натурой.

А ведь это и к Казанцевой относится, и к ее товарищам по заводу. Еще многое рассказали мне о ней — и о том, что она депутат поселкового Совета, и о том, что она дружинница. Я подумал, что ослышался, переспросил. Мне повторили: «Да, дружинница, наблюдает за общественным порядком».

Вот тебе и бабушка!

Но это было еще не все. После работы в маленьком клубе завода проходил вечер, посвященный Советской Армии. Перед началом вечера я увидел Казанцеву. На ее груди, кроме трудовых наград, сверкали медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта»...

После торжественной части, во время концерта прозвучала песня «Солдатские матери», написанная на мои стихи. Там есть такие слова:

Разве позабудешь,  
как под небом синим  
в грозном сорок первом,  
в самый трудный час,  
слезы не скрывая,  
женщины России  
на святое дело  
проводжали нас.  
Солдатские матери,  
жены солдатские  
на святое дело  
проводжали нас.

У станков стояли,  
сыновей растили,  
и с бойцами вместе  
шли на смертный бой.  
Вас на все хватало,  
женщины России,  
вам за все спасибо  
и поклон земной.  
Солдатские матери,  
жены солдатские,  
вам за все спасибо  
и поклон земной.

Давно написана песня, но тогда, в заводском клубе, я подумал: это же про Казанцеву!

Перед войной Ирина Казанцева жила в Орловской области. Там окончила десятилетку и учительские курсы. В Туле на оружейном заводе работала ее дядя. В июне 1941 года она приехала к нему в гости, и здесь ее застала война. Вместе с дядей и двоюродной сестрой Ирина вступает добровольцем в тульский рабочий полк.

Восемнадцатилетняя комсомолка все время была на переднем крае.

30 октября 1941 года в бою под Тулой Ирина Казанцева была ранена. После госпиталя окончила трехмесячные курсы медсестер, и в 1942 году старшина медицинской службы Казанцева участвует в боях за Сталинград. Выносит с поля боя из-под огня двадцать пять раненых бойцов, пятерым тяжелораненым дает свою кровь. Здесь была награждена медалью «За боевые заслуги».

Казанцева вспоминает, как выносила раненых бойцов из-под огня, и, словно от порохового дыма, темнеют ее глаза. Нет, она не плачет. Даже пытается улыбнуться. Но вдруг прервет рассказ, замолчит. И я понимаю: то далекое время никуда не ушло, оно с ней, в ее душе, навсегда.

— Очень я сильная была... Сначала тащишь раненого по земле, а как только вышли из-под огня, я его на спину — и понесла. Какой бы он тяжелый ни был, все равно донесу. Самое страшное и обидное — когда тащишь его, говоришь: «Ничего, милый, ничего, сейчас мы отсюда выберемся. Потерпи немного». И тут вдруг пулей или осколком его на смерть. Много раз так бывало. Много... Я же рядом с ним была, меня не задела пуля. А его — раненого, перебитого — еще одна пуля нашла... Поглядишь на него, и такая злость в тебе, и так зареветь хочется... Только и реветь-то времени не было — вспомнишь, что там другие раненые тебя ожидают, и ползешь к ним.

В 1943 году Казанцева — на Донском фронте. И там она спасает от смерти многих бойцов. Одному тяжелораненому дает свою кровь. Когда солдат пришел в себя и узнал об этом, он попросил молоденькую медсестренку, свою спасительницу, дать ему домашний адрес: «Кто знает, может, после войны и встретимся, если, конечно, живы будем». И надо же такому случиться, что оба живы остались, и не потерял солдат адрес, написал ей после войны на Орловщину, и приехала она к нему в Тульскую область, на шахту, где он работал...

И вот теперь у них пятеро детей и десять внуков. Уже давно серебряную свадьбу справили.

Крепкой оказалась их любовь, что вспыхнула малой искоркой в донских степях под свинцовыми вьюгами, а потом разрослась ярким пламенем и до сих пор не погасла.

Казанцева, вспоминая встречу со своим будущим мужем, смеется:

— Была я тогда вроде ничего. А уж коса у меня была — все девчонки завидовали. Сколько раз приказывали мне постричься, а я не стриюсь. Как будто предчувствие какое-то было, что нельзя мне косу тро-

гать. И ведь спасла она меня от смерти неминуемой... Форсировали мы Днепр. Ну, я на плоту вместе с бойцами. Больше половины реки проплыли, и тут снаряд разорвался. Меня осколками в живот и в ногу ранило. Увидел один боец, что я тону, схватил меня за косу и поплыл к берегу. Ну, потом в госпитале мне косу отрезали. Да я и не возражала — вроде она мне и ни к чему уже была.

На прощание Казанцева рассказала мне еще один случай из своей фронтовой жизни, о котором я никогда в жизни забыть уже не смогу. А говорила она об этом очень обыденно, как бы между прочим, немного смущаясь:

— Меня в сорок четвертом году наши девчонки из медсанбата генералом прозвали. Такая история произошла... Освободили мы одно село. В подвале комендатуры увидели пленного партизана. Фашисты его пытали, издевались над ним — на спине полоску кожи вырезали и по живому мясу табаком посыпали. Наш хирург говорит: «Надо ему рану обработать и полоску кожи приживить — длиной в пятьдесят сантиметров, шириной в три сантиметра». Я и дала свою кожу. С правой ноги у меня ее под наркозом вырезали, ему прижили. А когда подобный случай произошел в освобожденном нами городе (там фашисты с подпольщиком такую же подлость сделали, может, один и тот же гестаовец этим занимался), я и с левой ноги полоску кожи отдала... Боли-то я не чувствовала, но долго потом эти красные полосы на ногах не заживали. Девчата как в бане меня увидели, так и прозвали генералом — очень эти полоски на генеральские лампасы похожи были...

Сколько людей спасла эта сердечная и мужественная русская женщина! Всю Европу прошла с боями. Участвовала в освобождении Болгарии, Венгрии, Югославии. День Победы встречала в Карпатских горах. Она всегда была на переднем крае. Она и сегодня на переднем крае, в рабочем строю.

Смотрел я на нее и думал об одном, только об одном — нет, не на трех китах земля наша держится, а на таких обыкновенно-необыкновенных людях.

И, конечно же, это об Ирине Казанцевой и ее подругах —

У станков стояли,  
сыновей растили,  
и с бойцами вместе  
шли на смертный бой.  
Вас на все хватало,  
женщины России,  
вам за все спасибо  
и поклон земной.



## ЗДРАВСТВУЙ, СВОБОДНАЯ КУБА!

Более четверти века тому назад, вскоре после того, как на Кубе совершилась Революция, мы вместе с композитором Анатолием Григорьевичем Новиковым написали песню «Остров Свободы». Там были такие слова:

Маленький остров в далекой дали,  
люди твои всем нам близкими стали.  
Маленький остров под небом синим,  
знай, что в беде мы тебя не покинем.  
Маленький остров большой отваги,  
ты не склонишь свои гордые флаги.

А заканчивалась песня словами:

Здравствуй, Куба Фиделя Кастро!  
Куба свободная, здравствуй!

Более четверти века я мечтал о встрече с этой землей, с людьми, которые совершили Революцию и уже стали легендой.

И вот я в Гаване, обращаясь к моим кубинским друзьям, читаю слова той самой песни, все, как было написано много лет тому назад, только вместо «не склонишь» я с полным правом и с гордостью за моих друзей говорю: «ты не склонил свои гордые флаги!»

Да, сбылась моя давняя мечта. Оказывается, когда долго ждешь, радость встречи возрастает неимоверно. А тут ведь сбылось даже то, о чем я, честно говоря, и мечтать не мог, — встреча с легендарным Фиделем. Но об этом позже.

Итак, в новом аэробусе мы летим на Кубу. В нашей группе шесть человек: Л. Шипахина, Л. Шикина, Е. Исаев, И. Ляпин, А. Саакян и я.

Стихи моих товарищей я хорошо знаю. Они очень разные поэты, но каждый по-своему интересен. Только творчество Арамаиса Саакяна было мне не знакомо. Там, в самолете, я открыл для себя поэта, очень близкого мне по духу. Он читал свои стихи по-армянски, потом пересказывал содержание по-русски (нечто вроде устного подстрочника), короче говоря, пока мы летели в Гавану, я перевел пять коротких стихотворений. Вот одно из них:

Где центр Вселенной?  
Даже бог  
Определить пока не смог.  
Где центр Вселенной,  
Знаю я —  
Там, где любимая моя.

И потом, на Кубе, во время вечеров поэзии, я читал не только свои стихи, но и переводы стихов Арамаиса Саакяна, моего нового друга.

Поэтических вечеров у нас было много. Дважды мы выступали без переводчиков — на встрече с советскими специалистами и перед кубинцами, которые обучались в Советском Союзе и прекрасно знают русский язык. На последней встрече я прочел стихотворение, которое было написано экспромтом перед самым выходом на сцену. Потом ничего не менял, не дорабатывал, мне захотелось сохранить его в том виде, как оно возникло в эти волнующие минуты...

Здесь люди суровы порой,  
но не грубы.  
И в них теплота —  
не чего-то ради.  
Я говорю  
о сердечности Кубы,  
которая светится  
в каждом взгляде.

Простите меня,  
литавры и трубы.  
Нередко я к вам обращался когда-то.  
Но я говорю  
о нежности Кубы.  
Да, нежности,  
но это нежность солдата.

Тут не сложишь  
бантиком губы,  
не скажешь напыщенно  
или слащаво.  
Я говорю  
о мужестве Кубы  
слово,  
как выдох, короткое —  
слава!

Но это было в последний день нашего пребывания на острове Свободы. А мне хочется вернуться в аэробус, который летит из Москвы в Гавану. Немалую часть своей жизни провел я в самолетах. Летал на Сахалин и в Норильск, в Казахстан и на Урал, в Сибирь, в Марокко и Швецию. В КНДР пять раз летал, а ведь это тоже расстояние немалое. Но такого полета в моей жизни не было. Сам аэробус — это, конечно, чудо двадцатого века. Думаю, что и в двадцать первом его не сразу спи-

шут в запас. У меня создалось впечатление, что на нем можно и сутки лететь, не ощущая, что ты над землей. Светло, необыкновенно просторно, все современно, удобно, нет и намека на болтанку. Кажется, что ты на земле, в красивом большом зале с высоким потолком. Не хватает еще, чтобы тебе показывали кинофильмы. Говорят, что вскоре и это будет. Но больше всего мне запомнилась удивительная атмосфера, которая была от первой до последней минуты полета. В основном в самолете были кубинцы. Шумный разговор, шутки и дружный смех не смолкали. Иногда возникала веселая перепалка между людьми, сидящими в разных концах салона (а он огромный), и все пассажиры включались в этот шуточный разговор. Создавалось впечатление, что здесь все знакомы друг с другом. А может быть, так оно и было?.. В общем, если бы я не побывал на Кубе, только по этому перелету я мог бы смело утверждать, что кубинцы — народ веселый, жизнерадостный, доброжелательный, общительный... Ну, а его мужество известно всему миру.

Когда самолет приземлился в Гаване, все кубинцы, а с ними и остальные пассажиры, дружно зааплодировали. Нам это понравилось, и на обратном пути, когда самолет коснулся посадочной полосы в Шереметьево, мы, а с нами и все пассажиры, стали аплодировать.

В Гаване нас встречали кубинские товарищи из руководства УНЕАК — Союза писателей и артистов Кубы. Среди них один из крупных прозаиков, Онелио Хорхе Кардосо, известный поэт Анхель Аухьер.

УНЕАК объединяет всех работников литературы и искусства — писателей и художников, композиторов и скульпторов, артистов театра, кино и эстрады.

Первое, что на Кубе сразу бросается в глаза, — пальмы. Их много. Они повсюду — и высокие, стройные (декоративные), и увешанные гроздьями спелых кокосовых орехов... Раньше, глядя на фотографии Кубы, где непременно присутствовали пальмы, я полагал, что фотографии специально подбирали такие места, где есть эта своеобразная эмблема Кубы, да и всей Латинской Америки. Но потом убедился: где бы я ни пытался сделать снимок — в Гаване или по дороге в нашу гостиницу «Марасул», которая находится в двадцати километрах от города, на берегу моря, или в горах Сьерра-Маэстра, — всюду в объектив моего «Зенита» непременно попадала как минимум одна пальма. В Сантьяго-де-Куба мы попробовали сок кокосовых орехов. Он прохладен и приятен на вкус. Острым мачете отрубают суженную часть ореха, и ты пьешь, запрокинув голову и держа огромный кокосовый орех двумя руками. Но это будет потом. А пока нас везут в гостиницу, которая стоит на самом берегу моря. В этом смысле нам особенно повезло. Свободного времени мало, но каждый день в семь утра вся наша дружная команда — босиком, в плавках и купальниках — выходила из «Марасула», сопровождаемая удивленными взглядами кубинцев, и ровно через минуту нас уже качали волны Атлантического океана. Нам сказали, что акулы сейчас сюда, как правило, не заходят. Но бывают исключения из правил, поэтому далеко за-

плывать не советовали. Удивленные взгляды кубинцев объяснялись тем, что, по их понятиям, купаться в эти ноябрьские дни было по меньшей мере легкомысленно. Тем более что по радио было сказано: «Сегодня в Гаване холодно, плюс 23—25 градусов».

Небольшое лирическое отступление. Сразу после возвращения с Кубы я полетел на север, в город Ухту, там появились строчки:

В Ухте,  
где от снега все побелело,  
услыхал  
от приятеля я своего:  
«Нынче заметно  
у нас потеплело.  
Можно шубу снимать —  
минус тридцать всего».  
На Кубе по радио  
утром рано  
мне в ноябре  
довелось услышать:  
«Сегодня и завтра  
будет в Гаване  
холодно —  
плюс двадцать три —  
двадцать пять».

Как говорится, все в нашей жизни относительно. Но вернемся на Кубу.

Первая встреча у нас произошла в УНЕАК. Вместе с кубинскими поэтами мы читали стихи. А потом зазвучали гитары, и мы услышали пленительные мелодии кубинских народных песен. Наша первая встреча, как и все последующие, проходила в удивительной атмосфере братства, сердечности.

В этот вечер я впервые в жизни увидел Николаса Гильена, поэзия которого всегда была близка моему сердцу. Сколько мудрости, глубины и душевности в его взгляде! Мужество и доброта — в его стихах, мужество и доброта — в нем. Человек уже далеко не молодой, он все-таки пришел и на первую, и на вторую встречу в УНЕАК.

Когда подошла моя очередь выступать, я прочел стихи, а потом попросил разрешения сказать несколько слов. Я сказал эти слова. Переводчик повторил их по-испански. Потом он передал мне, что Гильен просит, чтобы я подарил ему эти стихи. Я объяснил переводчику Альфонсо Кинёнесу, что это были не стихи. Но он попросил меня записать то, что я сказал, строчками верлибра. Я записал впервые в жизни. Вот что получилось:

Если бы Куба не была такой красивой,  
если бы не было здесь  
этих величественных пальм,  
золотого песка побережья,  
этого моря —  
то спокойного, как улыбка ребенка,  
то бурного и гневного,  
как ревнующая женщина...  
Если бы не было здесь  
новых площадей и высоких зданий,  
тихих улочек старой Гаваны  
и стройных кубинок,  
от взгляда которых кружится голова...  
Если бы ничего этого  
не было на Кубе,  
все равно стоило лететь сюда  
тысячи и тысячи километров  
над необъятным океаном,  
чтобы пожать руку  
Николасу Гильену.

Двенадцать дней на Кубе. Обо всем рассказать невозможно. Я стараюсь вспомнить самое интересное... А если все было интересным!.. Вот мы летим над горами Сьерра-Маэстра в город Сантьяго-де-Куба, который можно, как наш Ленинград, назвать колыбелью Революции. 1 января 1984 года, выступая в бывшем здании муниципалитета на торжественном митинге, посвященном XXV годовщине победы Революции и присвоению Сантьяго-де-Куба почетного звания города-героя Республики Куба с вручением ордена «Антонио Масео», Фидель Кастро сказал: «Жители Сантьяго! Соотечественники! 25 лет тому назад мы собрались в этом парке приблизительно в это же время, и с этого же балкона я впервые обратился к народу. Думается, что, принимая во внимание непреходящее значение, моральную ценность и исторический характер того выступления, нелишне вспомнить некоторые фразы, произнесенные в тот вечер...» И далее Фидель вспоминает эти фразы. Читать без волнения их невозможно. Они все время прерываются аплодисментами. В них — и откровенность, и вера, и предвидение.

Вот что сказал Фидель в 1959 году и повторил в 1984-м:

«Победившая революция обязана своей победой народу и только ему».

«Никто не может сказать сегодня, что я выступаю как демагог, что я пытаюсь польстить народу; я предельно ясно доказал свою веру в народ, ибо, когда я высадился с 82 соратниками на Кубе, и кое-кто считал нас сумасшедшими, и кто-то спрашивал нас, как мы собираемся победить в этой войне, я отвечал: «народ на нашей стороне». Когда после

первого поражения горстка людей продолжала борьбу, мы знали, что победа грядет, потому что мы верили в народ».

Когда, еще на Кубе, я читал эту речь, подумал об одном — вот в чем главная сила Революции, вот почему могущественные враги не могут поставить на колени остров Свободы.

Осознание решающей роли народа. Опора на народ. Вера в народ.

И еще я подумал — как это здорово, что Фидель мог повторить сказанное им двадцать пять лет тому назад, имел полное право сделать это. Почему?.. Объяснение есть в той же речи, когда он вспоминает, как сказал 1 января 1959 года: «Вы знаете, что мы люди слова и выполняем обещанное; поэтому мы обещаем меньше того, что собираемся выполнить, не больше, а меньше... и стремимся сделать больше того, что обещали кубинскому народу».

Фидель!.. С каким восторгом все мы, советские люди, восприняли известие о Революции на Кубе, во главе которой был он. Как слушали мы, затаив дыхание, последние известия по радио, смотрели кадры кинохроники, где молодой Фидель выступает перед своим гордым и мужественным народом! С какой радостью читаем мы сегодня об успехах Кубы в строительстве новой жизни!

Фидель!.. Его все любят на Кубе, перед ним все преклоняются. Есть личность. Выдающаяся личность. Но культ личности и в помине нет. Это не слова. Это правда. Нигде на Кубе мы не видели портреты Фиделя. А вот портреты его сподвижников, например, Че Гевары, мы встречали довольно часто. Больше того — все мы хотели купить на память фотографию Фиделя. Искали во всех магазинах Гаваны и Сантьяго-де-Куба. И не нашли.

Фидель!.. Он все время с народом, неотделим от народа. Его можно встретить на заводе и в школе, в больнице и на строительной площадке, в Гаванском Университете и на рубке сахарного тростника...

Мы были в Гаване десять дней и за это время четыре раза видели Фиделя и даже два раза беседовали с ним. Первый раз это произошло 7 ноября во время приема, устроенного нашим послом на Кубе по случаю годовщины Октября.

Фидель шел по огромному залу. Посол представлял ему гостей. Представил и нашу делегацию. Фидель поздоровался с каждым из нас, мы обменялись несколькими фразами. Через три дня по приглашению Фиделя Кастро мы были на открытии Международного конгресса врачей-педиатров, где он произнес большую речь. Испанского языка я не знаю. Содержание речи мне стало известно потом. Но около двух часов, пока говорил Фидель, я сидел как замороженный. Говорил он без бумажки, приводил множество цифр, названий новых препаратов, новых методов лечения детей. А ведь Фидель по профессии не врач, а юрист. Но это ладно. Как он говорил!.. Никакой позы, рисовки. Сама естественность. Ни одного лишнего жеста. Каждый жест оправдан и предельно выразителен. Он не боится сделать паузу, подумать, как бы точнее вы-

разить мысль. Не боится что-то повторить, где-то поправить самого себя. Он говорит убежденно и твердо, но иногда — как бы сомневаясь в точности своей оценки данного явления, как бы приглашая нас, слушающих его, совместно подумать, как лучше решить этот сложный вопрос. И, не зная испанского языка, я все это понял, вернее, почувствовал, слушая Фиделя. Мы знаем об ораторском искусстве Ленина и Луначарского, Кирова и Димитрова... Мне кажется, сегодня в мире оратор номер один — Фидель Кастро. Оратор необыкновенный, удивительный!..

Но, если бы меня спросили, что больше всего поразило в этом легендарном человеке, я бы ответил — то, как слушает Фидель. Не говорит, а слушает.

Когда ему переводят сказанные тобой слова, он слушает очень внимательно, чуть наклонив голову и глядя на тебя. Трудно выразить словами всю гамму чувств, которые можно прочесть на его лице, — то одобрение, то удивление, то желание точнее понять твою мысль... И есть что-то от ребенка в непосредственности, в естественности, с которой слушает вас этот мудрый человек.

Я люблю людей, которые умеют не только говорить, но и слушать. Не всем это дано. Об одном своем знакомом я написал:

Он в спорах горяч. Не щадит  
свою беспокойную душу.  
Он так хорошо говорит.  
Еще научился бы слушать.

А о том, как умеет слушать Фидель, невозможно забыть. После первой встречи на приеме в нашем посольстве он выразил желание еще раз встретиться с нашей делегацией, но при этом заметил, что не хотел бы нарушать программу поездки. Узнав, что мы на два дня улетаем в Сантьяго-де-Куба, пообещал прислать за нами свой личный самолет. Так все оно и было. Руководитель партии и государства, у которого тысячи важнейших дел, ни о чем не забывает и всегда выполняет свои обещания. Касается ли это всего кубинского народа или нашей маленькой группы, прилетевшей на первые дни советской поэзии на Кубе. Как тут не вспомнить сказанное им в Сантьяго-де-Куба: «...мы люди слова и выполняем обещанное».

Можно было бы написать целый очерк о двух днях, проведенных нами в городе-герое Сантьяго-де-Куба. Очень красив сам город, окруженный горами Сьерра-Маэстра. Мы были в том маленьком домике, где Фидель со своими друзьями готовился к штурму казармы Монкада. Теперь там музей. Девушка-экскурсовод рассказывает нам, как готовились к штурму эти отчаянные смельчаки, показывает ложный колодец, где прятали оружие... Знаешь, что все было именно так, и все-таки не ве-

рится, вернее, не укладывается в сознании безумная, просто фантастическая храбрость этих молодых кубинцев.

Но еще больше поражает тот факт, что после провала, гибели многих друзей, тюрьмы они все начали сначала. И победили!..

Об этих бесстрашных людях мы вспомнили еще раз, когда в доме молодых писателей и артистов увидели скульптуру Че Гевары в полный рост. Знаю, что памятник установлен в одном из городов на Кубе. Не знаю, получила ли эта работа Альберто Леская какую-нибудь премию, но произведение создано выдающееся. Отвага и простота, убежденность в своей правоте и усталость, которую трудно скрыть. Железная воля и в то же время что-то от Христа, и даже предчувствие гибели и желание сражаться до конца... Нет, описать это невозможно. Надо видеть. Молодой скульптор учился в Ленинграде, в Академии художеств. Мне кажется, на небосклоне искусства зажглась новая и очень яркая звезда. В Сантьяго-де-Куба мы выступали на семинаре прозаиков, читали стихи вместе с кубинскими поэтами в культурной мастерской, участвовали в литературном вечере на улице Эредиа. Улица эта необыкновенная — на стенах домов плакаты со стихами, в одном доме молодежь танцует, в другом — выступает хоровая капелла, в третьем — читают стихи... И так каждую субботу.

Из Сантьяго-де-Куба мы возвращались в Гавану действительно на личном самолете Фиделя Кастро. Аэродром сразу нас не принял, заставили сделать несколько кругов. Поэтому на конгресс мы немного опоздали. Но к моменту выхода на трибуну Фиделя мы уже сидели в зале. После конгресса отправились в Большой театр имени Гарсиа Лорки, смотрели заключительный концерт Международного фестиваля балета.

Фидель был на концерте. Потом для участников фестиваля состоялся прием, на который нас тоже пригласили. Тут нам посчастливилось еще раз встретиться и говорить с Фиделем. Если бы я сам не слышал его слов, а кто-нибудь рассказал мне об этом, я бы не поверил. Но все было именно так. Фидель сказал: «Я хотел пригласить вашу делегацию в президиум конгресса, но вы опоздали. А знаете, кто виноват?.. Я. Ваш самолет заставили кружиться над аэродромом, пока не сяду я на своем вертолете. Так что виноват действительно я».

Чтобы понять, в каких невероятно тяжелых условиях приходится работать Фиделю, достаточно назвать одну цифру — двадцать шесть. Именно столько раз были совершены покушения на него за два года. Т. е. чаще, чем один раз в месяц.

Я выступал по телевидению в Гаване. Сравнительно небольшая студия. Два круглых столика, два кресла. В одном — кубинская дикторша, в другом — я. Две телевизионные камеры, одна направлена на нее, другая — на меня. Дикторша объявила, что я прочту свои стихи о Кубе. На камере, направленной на меня, зажглась красная лампочка, значит, я виден на экране. Прочел два стихотворения. Потом дикторша прочла пе-



ревод этих стихов по-испански. Когда закончилась запись, один товарищ сказал:

«Вы интересовались, какие были покушения на Фиделя. Вот одно из них. Фидель сидел в том самом кресле, где сидели вы. Рядом дикторша. Она объявила: «Сейчас выступит первый секретарь...» Дикторша не успела закончить фразу, Фидель побледнел, встал и отошел от кресла. Начальник охраны бросился к нему: «Что с тобой, Фидель?..» — «Не знаю». — «Может быть, вызвать врача?» — «Не надо». Начальник охраны спустился вниз, где стояли машины, на которых они приехали сюда, достал легкий современный миноискатель и стал вместе со своими помощниками проверять стены, пол, потолок, шкафы с папками, столики, кресла... Ничего. Тогда он приказал одному из помощников: «Вскрой камеру!..» Ничего. «Вскрой вторую!..» Во второй камере, которая была направлена на Фиделя, обнаружили автомат. В ту секунду, когда на этой камере зажглась красная лампочка, раздалась бы автоматная очередь. Целились в голову, а не в сердце. Им было известно, что Фидель под гимнастеркой всегда носит пуленепробиваемый жилет».

Когда мы находились на Кубе, жара доходила до тридцати пяти градусов, нам в безрукавках было жарко. А Фидель — в металлическом жилете. Это в ноябре. А как же летом? И снять жилет нельзя — двадцать шесть покушений за два года.

Сейчас, вспоминая дни, проведенные на Кубе, я удивляюсь, как много мы успели. Не считая многочисленных встреч и выступлений, мы побывали на открытии нового магазина советской книги имени Максима Горького в Гаване, на строительстве новых домов, в национальном парке Баконас и в музее школьного городка «26 июля» в Сантьяго-де-Куба, в Доме-музее Хемингуэя под Гаваной и во многих других местах.

Обо всем рассказать невозможно. Как невозможно перечислить всех друзей, которые появились у меня на острове Свободы. Но хотя бы трех кубинских товарищей я назову. Все трое хорошо знают русский язык, они выступали вместе с нами, переводили наши стихи и вообще очень помогли провести первые дни советской поэзии на Кубе. Председатель секции литературного перевода Союза писателей Кубы профессор Соня Браво. Хусто Васко, работающий в издательстве «Искусство и литература». Молодой поэт и переводчик Альфонсо Кинёнес Мачадо.

Мне хочется закончить свои заметки словами той самой песни, которая была написана вскоре после Революции:

Здравствуй, Куба Фиделя Кастро!  
Куба свободная, здравствуй!

## ТВАРДОВСКИЙ В ОПЕРЕТТЕ

Наша творческая дружба с композитором Анатолием Григорьевичем Новиковым началась в 1960 году песней «Пропел гудок заводской». А в 1968 году, когда было написано вместе около двадцати песен, три музыкальные комедии, поставленные во многих театрах, возникла идея написать музыкальную комедию «Василий Теркин», по мотивам А. Твардовского.

3 декабря 1971 года состоялась премьера в Омском театре музкомедии, потом в Свердловске, Киеве, Ростове, Москве, Новосибирске и других городах. У меня в кабинете висит афиша 250-го спектакля в Омске.

Прошло много лет, и я, честно говоря, забыл — кто же первым завел разговор о великой поэме Александра Трифоновича Твардовского — Новиков, я или главный режиссер Омского театра Виктор Дмитриевич Лавров. Но, собираясь писать эти заметки, стал я рыться в своих архивах и нашел одно письмо, вернее, копию письма (на машинке), написанного мной В. Лаврову 19.12.68 г. Тут уж никаких сомнений в том, кто сказал «а», не остается.

Дорогой Витя!

Клавдия Митрофановна (жена Новикова.— П. Г.) передала мне твой разговор по телефону, сказала и о твоём предложении насчет «Теркина». В принципе я, конечно, не возражаю, и Новиков тоже. Я еще раз перечитал (с прицелом) и убедился, что сделать муз. комедию трудно, но можно. Есть у меня и ряд конкретных предложений. Но для этого надо встретиться и посидеть два-три дня. Очень важно решить вопрос — на какого актера писать роль Теркина: если это поющий герой — одно, если напевающий простак — другое, а если у тебя есть поющий простак — это, по-моему, лучший вариант. В общем, вопросов много. Я, например, уверен, что можно и нужно сделать наплывы — сон (используя «Теркин на том свете»), можно сделать картину, как он приехал домой на побывку с орденом или медалью на груди (его мечту показать в реальном представлении), можно вплоть до канкана закатить, когда «на том свете» они с другом-солдатом наблюдают «тот свет капиталистический». Помнишь, как у Твардовского:

Вот уж точно, как в музее —  
Что к чему и что почем.  
И такие, брат, мамзели,  
То есть — просто нагишом...

Мы, конечно, их немного приоденем — этих мамзелей, но показать можно».

«Теркин на том свете» нам потом не разрешили использовать в нашей оперетте-песне. А жаль!.. Как раз в этом жанре сцены с «того света» были бы очень на месте.

Но мне в письме было интересней всего прочесть упоминание о возможности показать мечту Теркина — прибытие на побывку с медалью на груди...

Вот, оказывается, когда возникла эта мысль — в самом начале!.. А мне казалось — гораздо позже. Забыл. А мысль — очень важная, в какой-то степени решающая.

И тут я передам слово Анатолию Григорьевичу Новикову, который в своей книге «Песня в строю» очень подробно об этом рассказал:

«Оперетта «Василий Теркин» рождалась в самом тесном контакте с главным режиссером Омского театра музыкальной комедии Виктором Лавровым, который когда-то первым поставил наше «Особое задание». Помню, как во время обсуждения предстоящей работы всех нас беспокоил один вопрос: все время на сцене будет война, люди в серых солдатских шинелях, борьба со Смертью. Для оперетты не хватало чего-то светлого, создающего необходимый контраст. Петр Михайлович нашел выход. В «Теркине» есть такие строчки:

Нет, ребята, я не гордый.  
Не заглядывая вдаль,  
Так скажу: зачем мне орден?  
Я согласен на медаль,  
На медаль. И то не к спеху,  
Вот закончили б войну,  
Вот бы в отпуск я приехал  
На родную сторону...

Эту теркинскую мечту Петр Градов и задумал осуществить — устроить Теркину свадьбу в родном селе. Свадьбу из «Страны Муравии». Помните там:

Раздайся, хоровод,  
Тимофеевна идет,  
Кому девки надоели,  
Тот старуху подберет...

Медсестра, которая дала раненому Теркину свою шапку, превратится в его невесту, дед и бабка, которым он чинил часы, — в отца и мать невесты, — ведь это сцена воображения Теркина. Там может быть и хор гостей — «Стоят столы кленовые, хозяйка, нагрузай! Поспела свадьба новая под новый урожай», и многое другое. А когда кончится эта боль-

шая, светлая музыкальная сцена «Свадьбы», Теркин из своей мечты вернется на войну, и очень кстати прозвучат слова:

Теркин, Теркин, добрый малый,  
Что тут смех, а что печаль.  
Загадал ты, друг, немало,  
Загадал далеко вдаль.  
Где там свадьбы, где вечёрки?  
Где родимый сельсовет?..

Так Петр Михайлович около часа рассказывал мне о своем замысле, и, перечитав «Страну Муравию», я уже не сомневался в том, что сцена «Свадьба» непременно будет в оперетте-песне «Василий Теркин».

Все это написал Новиков в своей книге. Написал все, как было. Только одну деталь упустил — где, при каких обстоятельствах я рассказывал ему о своем замысле — использовать в «Теркине» сцену свадьбы из «Страны Муравии».

А было вот как... Однажды, перечитывая все, что написано Твардовским, я засиделся до поздней ночи. И вдруг — счастливая мысль, — да ведь свадьба в «Стране Муравии» как будто специально создана для музыкальной комедии! И характеры деда и бабки, и юмор, и просто готовые музыкальные номера: «Кого взяла?», «Погляжу, какой ты, милый», «Раздайся, хоровод». Я читал и перечитывал, глазам своим не веря!.. Захотелось сразу позвонить Анатолию Григорьевичу. Посмотрел на часы — уже третий час ночи. Подожду до утра... Нет, не могу ждать!.. Ну, не убьет же он меня, в конце концов... Набрал номер. Слышу сонный голос Новикова:

— Кто это?

— Это я, Анатолий Григорьевич. Извините.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, то есть да... Вернее, нет.

— Так какого же черта вы меня будите в третьем часу?!

— Я нашел...

— Кого нашел?

— «Страну Муравию»!

— Какую еще Муравию?... Вы что, выпили?

— Нет, Анатолий Григорьевич. Кроме чая ничего не пил. — Вы помните у Твардовского поэму «Страна Муравия»? Так вот...

И тут я около часа рассказываю ему, как можно использовать в «Теркине» сцены из «Страны Муравии», читаю какие-то отрывки. Выслушав все мои соображения, Новиков сказал:

— Я утром перечитаю поэму и позвоню вам.

— Но в принципе вы чувствуете, что это годится?

— Кажется, да. Но отложим разговор до утра. И не будите меня, пожалуйста, даже если вам придет на ум еще более гениальная идея.

Я улегся в кровать, некоторое время не мог уснуть, а потом уснул крепким сном. Проснулся от телефонного звонка. Как быстро промчалась ночь — подумал я. Но на часах было около четырех.

— Петр Михайлович, дорогой мой, да вы сами не понимаете, что придумали!.. Перечитал я «Страну Муравию» и заявляю — без нее музыкального «Теркина» быть не может. За ночной звонок прощения просить не буду. Мы теперь квиты.

О том, что было дальше, Анатолий Григорьевич рассказывает в своей книге «Песня в строю»:

«Когда я представил себе на сцене эпизод свадьбы из «Страны Муравии», то подумал, вряд ли кто-нибудь из композиторов уже не использовал этот замечательный материал. Но мое предположение не подтвердилось. И я очень обрадовался — ведь это настоящая находка для композитора! Так на эту веселую русскую свадьбу попал в мечтах и наш Теркин.

Закончив пьесу, Петр Градов читал ее Александру Трифоновичу Твардовскому. Был здесь режиссер Виктор Лавров, был и я. Александр Трифонович оценил пьесу очень коротко. Он сказал: «Здорово, я бы так не придумал!» И дал свое «добро». После этого я начал писать музыку».

Анатолий Григорьевич очень лаконично и точно описал то, что было. Но мне хочется обратить внимание на последнюю новиковскую фразу — «После этого я начал писать музыку». Что это означало?.. А вот что. Хотя Анатолию Григорьевичу понравилась идея Виктора Лаврова — написать музыкальную комедию по мотивам «Василия Теркина», понравился мой план пьесы (особенно после того, как возникла «Страна Муравия»), писать музыку Новиков не собирался до тех пор, пока не будет закончена пьеса и — главное — пока не будет «добро» Твардовского. Не знаю, может быть, тайком он делал какие-то наброски, но и мне, и Лаврову повторял одно и то же: «Вот прочтет Твардовский готовую пьесу, даст свое разрешение, тогда я первую ноту и напишу». Спорить было бесполезно.

В письме из санатория «Десна» 28.5.69 года Анатолий Григорьевич писал мне:

«Погода и здесь холодная, сегодня первый теплый день — хочется погреться хоть малость.

Природа — красота! Русская ширь, поля, лес, речка...

Все очень симпатично — и это все на 31-м км(?) по Калужскому шоссе.

Путевка у меня по 5/VI. Июнь буду в Москве, а июль — в Рузе.

Привет! Читаю Твардовского. А. Н.»

«Читаю...» А может быть, все-таки делал какие-то наброски. Нет, не делал. И не только потому, что ждал готовую пьесу и «добро» Твардовского. Была и другая причина — усталость. Ведь Анатолию Григорьевичу в это время было уже 73 года, а мы, не считая многих песен, за последние пять лет написали три музыкальные комедии: «Камилла», «Особое

задание», «Черная береза». И я устал. А ведь мне было в то время всего 44 года.

В письме от 16 мая 1969 года, из того же санатория «Десна» Новиков писал:

«...У меня такое состояние, как будто я не отдыхал тысячу лет, и только что освободился от каких-то **каторжных** работ! Я даже сейчас сам не пойму — отчего такая депрессия, но она налицо. «Устал, устал, надо отдохнуть» — это не я сам себе говорю, и не врачи, а птички, с которыми я не виделся давно...

А вот это уже говорит гл. врач: поднялось давление, сердечные расстройства (больше лежать), — никаких нервных напряжений — на время санатория.

Читать можно. Читаю «Теркина» и думаю — неужели у Градова такая фантазия, что он выкрутит пьесу? Но как? Из чего? Уж очень все пока скупо!»

В общем — и усталость, и сомнение: получится ли пьеса.

Когда я закончил свою часть работы — первый вариант пьесы, из Омска прилетел Лавров, и я прочел ему и Новикову этот первый вариант. Они были единодушны в своем решении — надо прочесть Твардовскому. Созвонились с Александром Трифоновичем, и он назначил нам встречу в редакции «Нового мира», который он в то время редактировал. Не знаю, как мои друзья, но я волновался очень. Твардовского я считал и считаю великим поэтом, «Василий Теркин» — лучшее его творение. Когда я говорил кому-нибудь, что пишу по мотивам Твардовского пьесу для музыкальной комедии или оперетты-песни, на меня смотрели с нескрываемым сожалением: «Оперетта по мотивам Твардовского?.. Ты что — с ума сошел?!» И вот мне предстояло читать свое «творение» великому поэту.

Конечно же, глубоко уважая Твардовского, искренне любя его поэзию, я старался сохранить все, что можно, предельно бережно относиться к каждой фразе, каждому слову.

Но ведь в пьесе должны быть диалоги, арии и дуэты, песни и хоры номера. При самом бережном отношении все равно приходилось что-то переделывать, а что-то писать заново. Ну, к примеру, начал вырисовываться интересный образ Рыжего Теркина. Анатолий Григорьевич говорит: «Ему надо номер сделать — веселый, озорной, — это же музыкальная комедия, тут без номера не обойтись». И я написал такой номер Рыжему Теркину с хором. Или в сцене «Свадьба» у Тимофеевны материал есть в «Стране Муравии»:

...Дед стар, стар, стар,  
Заплетаться стал.  
Никуда он не годится:  
Целоваться перестал.

Проведу его, злодея,  
Накажу кудлатого:  
Восьмерых сынов имею,  
Закажу девятого!

Новиков говорит: — Надо, чтобы дед ей что-то ответил.

— В поэме он ничего не отвечает.

— А вы придумайте, иначе актер, который будет играть деда, сам чего-нибудь сочинит. Пришлось придумать:

Так, выходит, я не лих?  
Устарел отчасти?  
А родила-то восьмерых  
При моем участии!

Перед тем, как отправиться в «Новый мир», к Твардовскому, мы втроем обсуждали предстоящую читку. Решили, что читать должен я. Лавров предложил — может быть, не надо читать то, что я досочинил. Новиков сказал: «Читать надо все, а если что-то не понравится Твардовскому, надо будет переделать или выкинуть».

Александр Трифонович принял нас в своем кабинете очень сердечно, улыбался, пожимая руки. Потом сел за стол и, так же мягко улыбуясь, сказал: «Только я вас должен предупредить — мне присылали более ста инсценировок по «Теркину», и для драматических театров, и для музыкальных. Разрешил я только одну — К. Воронкова, а для музыкального театра — ни одной... Ну, а теперь — читайте».

Я смотрю на Анатолия Григорьевича — может, не стоит время терять? Он на мой безмолвный вопрос отвечает: «Раз уж пришли, надо читать».

После того, как я прочел, и Твардовский дал свое «добро», обрадованный Лавров сказал: «Александр Трифонович, мы этот спектакль посвятим 100-летию со дня рождения Ленина». Твардовский на какое-то мгновение задумался, потом очень мягко, стараясь не обидеть нашего восторженного режиссера, сказал: «Я бы не советовал. Ведь не известно — какой спектакль получится. Если хороший, — тогда и посвящайте... Мне тут рассказывали, что собрали в Ленинграде всех актеров, которые будут к 100-летию исполнять роль Владимира Ильича. Ну, все они, конечно, чем-то похожи друг на друга — небольшого роста, коренастые, без пышных шевелюр... Собрали их, и разные профессора, театроведы читали им весь день лекции, советовали, как надо играть эту роль. Устав за день, актеры собрались вечером вместе, немного посидели. Утром опять их собрали и опять читают лекции, советуют... Я представил себе — сидят сорок лысых мужиков, слушают и думают: — Эх, сейчас бы опохмелиться!.. Ну, это шутка... А если всерьез — имя-то святое, и относиться к нему надо свято... Вы не видели тут, рядом с нами, возле кино-

театра «Россия» щиты висят — реклама будущих фильмов. И на каждом щите написано — к столетию со дня рождения В. И. Ленина. А надо бы выбрать один лучший готовый фильм и посвятить его юбилею...»

С того дня прошло немало лет, но я помню и, наверно, никогда не забуду лицо Твардовского, его улыбку, в которой была и усталость, и доброжелательность, его удивительные, цвета весеннего неба глаза. Приходилось мне читать о святых, и в моем воображении возник образ святого. Глядя на Твардовского, я подумал, что он чем-то напомнил мне тот, существующий в воображении, образ. Хотя, как известно, Александр Трифонович был человеком очень земным.

После встречи с Твардовским Новиков сразу начал сочинять музыку, написал несколько прекрасных номеров. А потом, ровно четыре месяца не было «выдано» ни одной ноты. Я звонил по телефону, узнавал — не нужно ли что-то от меня, может быть, надо переделать текст в музыкальных номерах? Ответ был один и тот же: «Нет, тут все дело во мне. Пока не получается». Из Омска все время звонил В. Лавров: «Когда же? Мы готовы хоть завтра начать репетиции! Что с Новиковым?» Я и сам не знал, что с ним. В это время болела его любимая Клавдия Митрофановна. Может быть, это мешало ему. Наверное. Но не только это. Анатолий Григорьевич все время работал, но все, что было написано за четыре месяца, его не удовлетворяло. Всем бы художникам такую требовательность к себе! Но прошли эти злполучные четыре месяца, и Новиков стал «выдавать» один номер лучше другого. Во время работы мы часто встречались и много спорили. Мы откровенно высказывали свою точку зрения. И не обижались друг на друга. И продолжали работать. У Анатолия Григорьевича была привычка — заострять в творческом споре мысль, несколько гиперболизировать, преувеличивать. Я «заводился», начинал доказывать, мне было странно, что он не понимает мою правоту!.. Потом происходил примерно такой диалог:

— Да, вы правы, Петр Михайлович.

— Прав?.. Но вы же только что говорили совершенно противоположное!

— Говорил.

— Зачем?

— Чтобы вызвать вас на этот страстный монолог. Вы меня убедили.

Самое интересное, что вскоре я забывал об этом «приеме» Новикова и снова попадался на крючок, «заводился», доказывал... В чем же дело?.. А дело в том, что Анатолий Григорьевич был прекрасным актером, и каждый раз мне казалось, что он действительно не согласен со мной, что надо ему доказать. А он проверял и меня, и себя.

Не ошибусь, если скажу, что из шести музыкальных комедий, написанных А. Г. Новиковым, «Василий Теркин» был ему дороже остальных. Да он сам написал об этом в своей книге: «Рассказ свой я начал с «Василия Теркина», потому что он по-особому близок и дорог мне».



Я видел спектакли в разных театрах. Лучшим мне казался (и Новикову тоже!) омский «Теркин». Кстати, в 1987 году я был в Омске на спектакле, и до сих пор главную роль играет прекрасный актер Егор Котов, который в 1971 году играл премьеру.

Об омском спектакле было написано много рецензий. Хочется выделить статью М. Игнатьевой в газете «Советская культура». Прочтя рецензию, я сразу позвонил Анатолию Григорьевичу:

— Читали?

— Только что прочел. Собирался вам звонить.

— Ну и как?

— Что тут можно сказать... Умница. Необыкновенная умница. Как она тонко и точно все почувствовала!..

Он сказал не «поняла», а именно «почувствовала». Хотелось бы привести рецензию целиком, но это невозможно, поэтому хотя бы начало и конец:

«Первая реакция почти у всех одинаковая: «Теркин» — в оперетте? Ну, знаете!..» И неудивительно. Множество самых серьезных «против»: Александр Твардовский, назвав свое произведение «книгой про бойца без начала, без конца», объяснял: «Жанровое обозначение «Книги про бойца»... совпадало с решением писать не поэму, не повесть или роман в стихах, то есть не то, что имеет свои узаконенные и в известной мере обязательные композиционные и иные признаки».

Кажется, слов Александра Трифоновича достаточно, чтобы убедить в несовместимости жанров поэмы и оперетты...

И вот премьера Омского театра музыкальной комедии «Василий Теркин». ...На сцене — Твардовский в подлиннике, настоящий живой Теркин, словно адрес оперетты был заранее «запрограммирован» в поэме для этого героя. ...Отсюда и реакция зала: здесь нет равнодушных, скучающих. Зрители заразительно смеются, когда Теркин балагурит; зрители плачут, когда бойцам и особенно самому герою тяжело, а в поединке Теркина со Смертью так восторженно рукоплещут победе, словно и в самом деле дилемма жизни или смерти решалась здесь, на театральной площадке».

Прошло много лет. «Василий Теркин» до сих пор не сходит со сцены. Моя роль в этой работе очень скромная — мне просто выпало счастье быть связующим звеном между великим народным поэтом А. Твардовским и великим народным композитором А. Новиковым.

## СОДЕРЖАНИЕ

Блокадный дневник . . . . .	3
Человек — человеку . . . . .	20
Не на трех китах . . . . .	26
Здравствуй, свободная Куба! . . . . .	31
Твардовский в оперетте . . . . .	40

ГРАДОВ Петр Михайлович

ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕКУ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

---

Сдано в набор 16.06.89. Подписано к печати 03.08.89. А 08899.  
Формат 70 × 108<sup>1/32</sup>. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».  
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отг. 2,28. Уч.-изд. л. 3,04.  
Тираж 150 000 экз. Зак. № 779. Цена 20 коп.

---

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография  
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,  
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.



● ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**ЦЕННЫЕ БУМАГИ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ —  
СЕРТИФИКАТЫ**

**Сберегательного банка СССР**

**СЕРТИФИКАТЫ** — выпускаются достоинством 250, 500 и 1000 рублей.

**СЕРТИФИКАТЫ** — предназначены для хранения денежных средств в течение 10 лет с выплатой дохода дифференцированно в зависимости от срока хранения. Суммы, подлежащие выплате, приведены на оборотной стороне сертификата.

При соблюдении 10-летнего срока хранения доход выплачивается из расчета 4% годовых.

**СЕРТИФИКАТЫ** — свободно продаются, принимаются на хранение и по предъявлении паспорта оплачиваются в любом филиале Сберегательного банка СССР.

При оплате сертификата его владелец может приобрести новый сертификат или внести полученную сумму на любой вид вклада.

**СЕРТИФИКАТЫ** — удобная форма долговременного хранения денежных средств.

**УБЕДИТЕСЬ В ЭТОМ ЛИЧНО!**

**Правление Сберегательного банка**